

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

На правах рукописи

КОТЕЛЬНИКОВ Михаил Евгеньевич

**ДИАЛЕКТИКА НАУКИ И ИДЕОЛОГИИ В
ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ МАРКСИЗМА
(социально-философский анализ)**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора философских наук

Москва - 2009

Диссертационная работа выполнена в секторе социальной философии Института философии Российской Академии Наук

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор **Пантин И. К.**

доктор философских наук, профессор **Славин Б.Ф.**

доктор экономических наук, профессор **Бузгалин**

А.В.

Ведущая организация:

кафедра философии Финансовой академии при
Правительстве РФ

Защита диссертации состоится «__» _____ 2009г.
в__ часов на заседании Диссертационного совета № Д
002.015.02. по защите диссертаций на соискание
ученой степени доктора философских наук при
Институте философии РАН по адресу:

119992, Москва, ул. Волхонка, д. 14, комната _____

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке
Института философии РАН.

Автореферат разослан «_____» _____ 2009 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета,
доктор философских наук **И.А. Крылова**

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Минуло два десятилетия, отделяющих нас от того поворотного пункта в отечественной историографии марксизма, который положил начало его критическому переосмыслению.

Однако неизбежные на магистральном пути плюрализации теоретической мысли издержки ценностно-идеологического характера оказываются, к сожалению, и сегодня не менее значимыми, чем в советский период, вследствие чего марксизм во всей полноте представленного в нем теоретического знания еще не стал объектом подлинно научного исследования. Более того, в его оценке ошибочен, как полагает диссертант, даже *алгоритм критического анализа*.

Актуальность темы диссертационного исследования. Позитивный по своей сути и направленности процесс очищения от идеологических наслоений, образующих догматическую *differentia specifica* марксистской ортодоксии, и приобщения ко всему многообразию достижений современного обществознания в решающей степени сдерживается чрезвычайно распространенным не только в массовом, но и в научно-теоретическом сознании фундаментальным заблуждением.

Речь идет о тенденциозной интерпретации марксизма, выражающейся в сохраняющейся («по умолчанию») редукции его наиболее глубокой – *социально-философской* – сущности к ее идеологической проекции. При этом наличие существенных различий между такими формами общественного сознания, как философия, идеология и наука, - сомнений не вызывает, но оценивается, как правило, с формально-логической позиции, *исключающей* их какую бы то ни было конгруэнтность. Имманентная марксизму «ущербность» при таком подходе усматривается, напротив, в абстрактном тождестве, т.е. *исчерпывающем* совпадении основополагающей для него диалектико-материалистической методологии с выполняемой

ею идеологической функцией, - совпадении, дискредитирующем, якобы, его заявку на системное научное знание.

Подавляющая часть как прошлых, так и нынешних критиков марксизма продвинулась в этом отношении фактически ничуть не дальше Е. Дюринга, искренне полагавшего в свое время, что теоретические изыскания Маркса были бы гораздо продуктивнее, если бы он «не опирался, *помимо* научных, еще и на *диалектические* костыли». Вполне естественно терпят неудачу даже те, кто пытается *добросовестно* «раскодировать» диалектическую сущность его многогранного учения с помощью набора формально-логических приемов мышления.

Из той же гносеологической посылки исходят и «жесткие» критики Маркса, но они уже полностью и, надо полагать, вполне расчетливо игнорируют грань принципиального *несовпадения* его логико-методологической позиции и научно-теоретических взглядов с исторически конкретным идеологическим содержанием марксизма.

По выражению Энгельса, вполне применимому в условиях данной познавательной ситуации, «иначе оно и не может быть, если, как это делается здесь, результаты, добытые в диалектической области, хотят доказать посредством формальной логики».¹

В то же время ошибочным, по мнению диссертанта, является и бытующее сегодня мнение о том, что марксизм в научном формате принципиально несовместим с *позитивным* влиянием идеологического фактора, который с этой точки зрения способен его лишь «отягощать» и деформировать.

Причина подобной аберрации в том, что это, выявляемое всеми марксологами и – значительно реже – марксистами, противоречие относится к разряду диалектических и, следо-

¹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20. С. 139.

вательно, неразрешимо с помощью *устранения* одной из его сторон. Получивший широчайшую известность ленинский тезис: «марксизм – не догма, а *руководство к действию*», – превосходно иллюстрирует именно *идеологическую* сущность марксистского теоретического знания. Если же не ограничиваться фиксацией этой видимой, что называется, невооруженным глазом стороны, обратившись к анализу «сущности более глубокого порядка» (в чем, собственно, и выражается специфика философского подхода), «революционность» марксизма базируется на его научной, диалектико-материалистической методологии. Во всяком случае, идеологический срез сущности не воспроизводит всей глубины ее научного и философского содержания.

Уже принимая во внимание это обстоятельство, правомерно допустить, что «знаковым» философским системам свойственно, как правило, *многозначное* толкование, в возможности которого, по справедливому замечанию В.А. Глядкова, «нет ничего такого, что преуменьшило бы значение первоисточников. Скорее, наоборот, *многозначность есть свидетельство богатства* выдвинутых идей и подходов».² (Курсив мой. – М.К.) Важно только этим «богатством» разумно распорядиться, т.е. в данном случае найти ключ к теоретическому воспроизведению всей *многоликой* марксистской традиции, *образующей определенное единство*. К сожалению, уже с переходом к ленинскому этапу в развитии марксизма на фоне его расширяющегося «видового» многообразия задача выявления «единства» не только не была актуализирована, но вообще снята ортодоксами с повестки дня, что нашло выражение в ленинской интерпретации структурно-функциональной целостности марксистского теоретического знания.

Действительная сложность заключалась в том, что теория научного социализма (а в советский период и - «научного

² Глядков В.А. Феномен марксистской философии. М., 2001. С. 145.

коммунизма»), изначально претендовавшая на статус *строгой науки по определению*, при ее *однозначной* оценке таковой никогда не являлась и, более того, быть не могла в силу своей достаточно «жесткой» идеологической ориентации. Однако отсюда не следует, что пролетарская идеологическая теория не имела с наукой *ничего общего* и никогда не являлась «научной». Таковой она, несомненно, была, но лишь постольку, поскольку представляла собой, как и утверждали основоположники, *научно обоснованный «вывод»* из созданной ими социально-философской концепции. Осознание *парадоксальности* неоднозначной сущности марксизма приходит позднее, уже под влиянием критики со стороны откровенно враждебных ему буржуазных теоретиков, а также разношерстных (в т.ч. либеральных) «попутчиков». Ирония истории в том, что именно последние, «свежим» взглядом «высвечивая» в марксизме «не стыкующиеся», как они полагали, между собой его концептуальные доминанты - идеологию и методологию, - внесли тем самым в его *развитие* даже больший вклад, чем метафизически *отождествляющие* их марксисты ортодоксального толка. С точки зрения представителей этого направления марксизм, оформившийся в самую влиятельную идеологическую теорию в горниле ожесточенной классовой борьбы, в *структурно-содержательном* аспекте представал девственно чистым, лишенным даже намека на какие-либо внутренние противоречия, воплощением столь «совершенной» *недифференцированной* целостности, что ее впору было считать иллюстрацией «непорочного зачатия».

Данная проблема не была артикулирована Марксом и Энгельсом, но диалектический алгоритм их мышления, опредмеченный в многолетних теоретических изысканиях и революционной практике, не оставляет сомнений в том, что она выглядела для них вполне разрешимой. Маркс, в частности, уже в ранних своих работах формулирует тезис о том, что «действительного дуализма сущности не бывает». В созданной

им «многопорядковой» теоретической системе ее идеологический, научный и философский форматы *неравнозначны* и каждый из предшествующих выступает по отношению к последующему в качестве элемента сущности «более высокого порядка». Поэтому *социалистический идеал вплоть до того момента, пока в лице пролетариата не была найдена исторически конкретная «движущая сила» его реализации, оставался абстрактным* (т.е., по крайней мере, еще не вполне научным), а, приобретая свои классовые (идеологические) очертания, он уже, действительно, не мог быть объектом только научного знания.

Превратившись, благодаря открытию материалистического понимания истории, из утопии в науку, социализм, таким образом, *одновременно* начинает функционировать и в качестве самостоятельной идеологической «доктрины». Впервые об этом «расхождении» («дуализме» марксизма) от лица его представителей *во всеуслышание* заявил официальный литературный «душеприказчик» Ф. Энгельса Э. Бернштейн. Но в заслугу ему может быть поставлена лишь *формальная апелляция к проблеме корреляции идеологии и науки*, но никак не предложенная формула ее решения. Однако столь же несостоятельной оказалась и предпринятая ортодоксальными марксистами попытка *безоговорочного отождествления марксистской идеологической теории с сущностью представленного в ней научного знания*.

Вопреки подобным представлениям о соотношении «составных частей» марксизма, в его историческом развитии чем дальше, тем больше давали о себе знать противоречия, обусловленные, в конечном счете, неполнотой совпадения «буквы» и «духа». Понимая, в соответствии с их фактической коннотацией, под «духом» - марксистскую методологию (которая исследует науку как специфический тип знания и является выражением «органической связи всеобщего философского метода и наиболее фундаментальных и общих

методов специальных наук»¹), а под «буквой» - хорошо различимую («экзотерическую») идеологическую конструкцию, становится очевидно, что невозможно в принципе сохранять приверженность *в равной мере и в одном и том же измерении одновременно* и «содержанию», и «форме». Собственно говоря, весь драматизм новейшей истории и состоит в том, что, следуя логике эволюции учения Маркса, его последователи просто *вынуждены* были придерживаться приоритетности одной из них или, иначе говоря, *выбирать*, «глотаая» в этом смысле марксизм «по частям».² Несмотря на данное, сформулированное Лениным в адрес идеологических оппонентов императивное «предупреждение», он сам, а вслед за ним и все ортодоксальные марксисты также не избежали «скорбной» участи верных учеников, принуждаемых невыносимой силой «эмпирических» обстоятельств препарировать целостную теоретическую систему. Разница лишь в том, что «проглоченная», но не «переваренная» в их «твердокаменных» желудках диалектическая сущность марксизма представала в виде *иллюзии полного совпадения* с взятой на вооружение его идеологической «буквой».

Редуцируя потенциал диалектико-материалистической концепции к ее исторически конкретной (и в силу этого *преходящей*) проекции в идеологии и политике, Ленин при этом подчеркивает, что «весь дух марксизма, вся его *система* требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (а) исторически; (б) лишь в связи с другими; (у) лишь в связи с конкретным опытом истории».³ (Курсив мой. – М.К.) Но свойственная ему в классово-политическом измерении ортодоксальность питает лишь то, что Н.А. Бердяев именует «экзальтированной революционной волей». Вполне осознанно оставаясь «под знаком ортодоксии», Ленин связывает с ней

¹ Егоров Ю.Л. Принцип системности: сущность и функции в познании. М., 1997. С. 134.

² См.: Ленин В.И. Оценка Маркса международным либерализмом // ПСС. Т. 16. С. 470.

³ Ленин В.И. Письмо И.Ф. Арманд, 30 ноября 1916 г. // ПСС. Т. 49. С. 329.

непреклонную верность *революционной* (политической) сущности марксизма (сущности, так сказать, «первого порядка»), если использовать его собственную терминологию), и заведомо снимает с нее на этом основании все могущие возникнуть обвинения в неполноте соответствия эталону научности. Он, таким образом, *подменяет* ею, как и все остальные «ортодоксальные ученики», глубочайшую *диалектическую* суть научной методологии Маркса, ибо только последняя не «позволяет брать что бы то ни было на веру», рассматривает «каждую осуществленную форму в движении», т.е. также и «с ее *преходящей* стороны». «Ортодоксия» же, т.е. *неуклонное следование идеологической и политической «букве» учения Маркса*, на самом деле «отличается *диаметрально противоположными* качествами» совсем в ином, нежели он полагает, смысле, поскольку «исключает критическое претворение и дальнейшее развитие» марксизма и «вина» за этот «тяжкий грех» ложится уже «всецело на таких учеников».⁴

В итоге, даже находя отчасти свое воплощение в ленинских произведениях, диалектика утрачивает свойственное ей *эпистемологически-универсальное* значение. Наделение ее преимущественно *идеологически-инструментальной* функцией ведет к тому, что она фактически нередко *подменяется* логикой формальной, т.е., по собственному же выражению Ленина, служит веками апробированным «мостиком к софистике». «Однолинейно» мыслящие преемники лишь довели эту противоречащую «духу» марксизма тенденцию его тотальной идеологизации до ее полного (формально-логического) завершения, доказав тем самым, что «всякую истину, если ее сделать «чрезмерной».., если ее преувеличить, если ее распространить за пределы ее действительной применимости, можно довести до абсурда, и она даже неизбежно, при указанных условиях, превращается в абсурд».¹

⁴ См.: Ленин В.И. Еще к вопросу о теории реализации // ПСС. Т. 4. С. 87.

¹ Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // ПСС. Т. 41. С. 46.

Опасность односторонней и потому искаженной интерпретации сущности (а, следовательно, и логики развития) марксизма уже изначально представляла для идеологически «правоверных» его толкователей реальную угрозу. Ведь если, по словам Ленина, марксизм *возник не «в стороне от столбовой дороги развития мировой цивилизации»* и в нем «нет ничего похожего на «сектантство», то и *развиваться* при всей его «самодостаточности» он способен не в одной лишь *борьбе* с враждебными ему течениями общественной мысли, а при условии прежде всего *конструктивного* поиска ответов на запросы общественно-исторической практики. Процесс этот должен быть *непрерывным* и *двусторонним*; в противном случае «доктрина» Маркса становится «замкнутым» и «закостенелым учением», естественно, утрачивая статус «законного преемника» общечеловеческих культурных достижений.

Оппонируя Ленину, «эмпириомонист» и создатель тектологии А.А. Богданов (Малиновский) сформулировал в этой связи весьма примечательное уточнение. По его словам, «марксизм, как идеология прогрессивного класса, неизбежно должен был отвергнуть абсолютное значение за какой бы то ни было системой идей, *в том числе и за своей собственной*. Он предъявил и к себе самому требование непрерывного развития в соответствии с изменяющимися жизненными отношениями пролетариата. И марксизм идет по этому пути».²

² Богданов А.А. Падение великого фетишизма (Современный кризис идеологий). Вера и наука (о книге В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм»). М., 1910. С. 222.

³ Ленинский тезис о «философии марксизма, вылитой из одного куска стали», вполне заслуженно подвергается критике, ибо не соответствует, строго говоря, ни фактическому процессу ее формирования и его результату (синтез идеалистической диалектики и антропологического материализма), ни – даже в переносном, собственно технологическом смысле: прочность стального сплава достигается, как известно, именно за счет введения в определенной пропорции добавок или присадок.

Совсем не удивительно поэтому, что уже в начале XX столетия философию марксизма, «вылитую, - по выражению Ленина, - из одного куска стали»,³ представители его неортодоксального направления не всегда безошибочно и продуктивно, но в целом небезуспешно пытались «соединять» с иными философскими системами. Наиболее отчетливо по этому «тернистому» пути продвигались российские «легальные» марксисты, а также все неортодоксальное крыло западного марксизма. Отказавшись от марксистской *ортодоксии*, они, по словам Бердяева, не могли «вместиться» и в марксизм; но, творчески перерабатывая многие спорные положения современной им немарксистской философии, внесли, тем не менее, определенный вклад и в сокровищницу марксизма, оставаясь субъективно его убежденными приверженцами.

Эта диалектическая противоречивость в высшей степени рельефно проявилась в исторической судьбе марксизма, чему и посвящается диссертационная работа.

Объект диссертационного исследования – марксизм как многогранная система теоретического знания, *внутренняя противоречивость* которой эксплицируется в качестве перманентного источника поступательного развития, т.е. приводится в соответствие с используемой основоположниками марксизма научной методологией.

Предмет диссертационного исследования – *логика* исторического развития марксизма, выявляемая в возникающих расхождениях между марксистской теорией и практикой социальных преобразований, в динамическом характере равновесия методологического и идеологического компонентов самого теоретического знания, а на социально-философском уровне анализа – в соотношении объяснительно-формационной и деятельностно-революционной парадигм.

Теоретико-методологической основой диссертационного исследования выступает диалектико-материалистическая концепция, неисчерпаемый потенциал которой позволяет осуществить комплексный анализ марксизма. Диалектический метод в полной мере остается руководящей нитью исследования и на пути «самокритики» марксизма, ибо даже тогда, когда последний выступает объектом *саморефлексии*, истинным должен быть, по выражению Маркса, не только результат познания, но и ведущий к нему путь. Непревзойденным образцом применения всего арсенала диалектической логики и по сей день остается «Капитал» К. Маркса. По известному ленинскому замечанию, «если Marx не оставил «*Логики*» (с большой буквы), то он оставил *логику* «Капитала»».

Суть диалектики состоит, как известно, в *coincidentia oppositorum*. Это совпадение или конкретное тождество на материалистически обосновываемом пути восхождения от абстрактного к конкретному Маркс раскрывает в виде диалектического единства логического и исторического способов исследования. Их взаимосвязь не претерпевает принципиальных изменений и тогда, когда уже сам марксизм в качестве объекта теоретической рефлексии должен «витать перед нашим представлением как предпосылка» всех логических операций. Единство исторического и логического обнаруживается здесь в исходном, специфичном для него противоречии между социальной практикой «под знаменем марксизма» и его теоретико-методологическим потенциалом. Если исторический метод позволяет исследовать марксизм как развивающуюся систему теоретического знания, выявляя переходы ее в качественно новое состояние, то с помощью логического метода осуществляется воспроизведенное в движении понятий отражение этого «процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме».

Наряду с отмеченным выше фундаментальным противоречием между теорией и практикой в области уже собственно теоретического знания речь должна идти о тождестве таких *противоположностей*, как научная методология и идеологическая теория. Их далеко не полное совпадение предстает объектом неоднозначной оценки в соответствии с принципом конкретного тождества. Маркс использует этот принцип и в своей социально-философской концепции при создании формационной и деятельностной моделей изучения истории, и в экспликации соотношения между научной методологией и теорией освободительного движения пролетариата. О приоритетности методологии по отношению к идеологии (в эпистемологическом аспекте) свидетельствуют уже те значительные коррективы в сторону отхода от тезиса о «диктатуре пролетариата», которые еще при жизни Маркса были внесены в пролетарскую идеологическую теорию.

Что касается Ленина, то в его редакции идеологическая сторона марксизма стремится поглотить научную без остатка. Все, что остается за рамками совпадения «составных частей» марксизма, для него уже несущественно и в расчет не принимается, в том числе основное (наиболее существенное) для марксизма противоречие между «духом» и «буквой».

Однако, не учитывая принципиальной грани между идеологической «системой» («научной» идеологией) и диалектико-материалистическим «методом», невозможно сколько-нибудь вразумительно объяснить, почему марксизм в XX в. неумолимо «терял очки» как идеологическая теория, выражающая интересы *индустриального* пролетариата, но сохранял и даже набирал их в качестве универсальной научной методологии.

«Материальной силой» социально ориентированная научная теория в процессе реализации заложенного в ней потенциала становится, по выражению Маркса, только в том случае, когда

она «овладевает массами», а для этого она должна, в свою очередь, трансформироваться в *особую* форму общественного сознания – идеологию. В этой (идеологической) ипостаси сущность самого марксизма есть уже не отвлеченное, «эзотерическое» теоретизирование, а гегелевское «свое иное», поскольку она становится достоянием рабочего класса как субъекта не только и даже не столько *познающего*, сколько, по словам Маркса, «изменяющего мир». Хотя объект познания у науки и идеологии отчасти совпадает, различие представлено в природе *познающего* и *действующего* социального субъекта. Точнее говоря, оно заложено в самом способе *распредмечивания* объективного мира познающим и *опредмечивания* действующим коллективным субъектом.

Тот факт, что термину «идеология» (в соответствии с его общеупотребительным на протяжении XIX в. значением) Маркс придает ограниченный, однозначно-негативный смысловой оттенок (как иллюзорного сознания) *не вносит принципиальных изменений* в конверсионную структуру созданной им теоретической системы, ибо функцию марксистской идеологии *de facto* выполняла теория научного социализма. Вместе с тем, с учетом понятийной смысловой *дивергенции*, выразившейся в инициированном Лениным «бессрочном» закреплении за пролетарской идеологией статуса «научной», вполне правомерен вывод о том, что марксизм доказывает свою научную состоятельность не за счет «освобождения» от груза идеологического фактора, как упрощенно полагают сегодня некоторые исследователи, а, напротив, лишь в той мере, в какой он обретает для себя *исторически адекватную идеологическую реинтерпретацию*.

Сегодня уже не подлежит сомнению, что в соотношении идеологии и науки представлена *диалектика классового и общечеловеческого*. Объективное знание об обществе, как совершенно обосновано полагали основоположники марксизма, не продуцируется, строго говоря, в «чистом», т.е.

идеологически-нейтральном, виде. Оно существует *наряду* с политической идеологией авангардной части общества, но представлено в ней (в преобразованном виде) и как *часть* ее собственного содержания. Другое дело, что на разных этапах исторического развития в зависимости от положения этого класса в системе общественного производства, удельный вес научного компонента в его теоретических представлениях о сущности социальных изменений не остается неизменным. Идеология, если она, разумеется, выражает интересы исторически восходящего класса, которые в наибольшей степени (хотя в любом случае не полностью) совпадают с интересами общества в целом, - в *гносеологическом* аспекте производна от научно-теоретического способа освоения мира и, следовательно, *вторична* по отношению к нему. Полагать же, что марксизм «утопичен» уже в силу самого факта его идеологической *принадлежности* (соглашаясь в этом не только с Э. Бернштейном, но и, в частности, с Т.И. Ойзерманом), по мнению диссертанта, принципиально неверно. В то же время, несомненно и другое: именно в силу присущей российскому (советскому) марксизму *ортодоксальной* доктринализации теоретического знания (вследствие, в том числе, и особенностей российской ментальности), он исторически приобретает идеологически-одностороннюю тональность, неуклонно *ведущую к утопизму*.

До недавнего, по историческим меркам, времени гносеологическая неадекватность воспринималась советскими марксистами как атрибут исключительно буржуазной идеологии. Вопрос о критериях истинности марксистской идеологии считался давно и окончательно решенным в силу ее неоспоримо «научного» характера. Однако адекватность теоретической рефлексии определяется (и, рассуждая, по выражению Ленина, «абстрактно-теоретически», это было хорошо известно советским «доктринерам-идеологам») *объективным* положением в социально-экономической системе того класса, интересы которого данная идеология призвана отражать и

отстаивать. Поэтому на разных этапах исторического развития общества существующие идеологические комплексы отражают социальное бытие с *различной степенью объективности*, которая зависит от *места* данного класса в системе общественного производства, а, следовательно, и от его *роли* в историческом процессе.

Будучи не только идеологом, но прежде всего строгим ученым в исследовании «экономического фактора», Маркс отнюдь не по своему произволу выдвинул и обосновал идею всемирно-исторической миссии пролетариата, как полагают его прошлые и нынешние оппоненты. В своих представлениях о субъекте социально-преобразующей практики он оставался *всецело* на почве политэкономического анализа своей эпохи и, естественно, был ограничен ее временными рамками, хотя в созданной им теоретической модели общества будущего ему удалось выйти далеко за горизонт его индустриальных параметров. На ступени *формирования* последних (домонополистического капитализма) интересы рабочего класса действительно в решающей степени выражали потребности общественного развития. Их расхождение стало очевидным лишь на этапе начавшегося перехода к постиндустриальной фазе капитализма, но происходящая на наших глазах *трансформация всемирно-исторического субъекта* не отменяет механизм социальной детерминации, а лишь формирует новый алгоритм общественно-исторической практики.

Степень научной разработанности проблемы. Значительное число отечественных исследователей справедливо полагает, что история вынесла обвинительный приговор советской тоталитарной социальной практике и *вульгарно-догматически* понимаемой марксистской теории. Но отсюда не следует, что по отношению к марксизму заслуживает доверия *всякая* критика. Со стороны либерализма она справедлива лишь отчасти - в той мере, в какой ее объектом

выступает *абсолютизированная базисная* (т.е. классическая) *идеологическая парадигма*, составляющая с начала XX в. *специфику марксистской ортодоксии*. Можно, таким образом, утверждать, что «гора» либеральной критики марксизма «родила мышь» - зафиксировала теоретическую несостоятельность *ортодоксального* направления в нем. Что же касается используемых оппонентами способов аргументации как «за», так и «против» ортодоксии, то их «примиряет» общий недостаток. При всей полярности *идеологических* установок и программных положений ортодоксальный марксизм и либерализм оказываются в равной мере односторонними в понимании и объяснении и логики развития марксизма, и причин его «непотопляемости». Вследствие отсутствия по отношению к объекту опровержения научного подхода или, точнее, ограничения его правилами и рамками формально-логической экспликации, либеральная критика марксизма не только не подрывает его методологический потенциал (из которого также следует вывод об анахронизме тезиса о «ведущей» роли *индустриального* пролетариата в условиях перехода к *постиндустриальному* обществу), но, напротив, доказывает собственную теоретическую беспомощность.

Если допустить, что необходимые для решения проблемы самоидентификации марксизма объективные предпосылки уже имеются налицо (а не находятся, как прежде, «в процессе становления»), то объяснение сложившейся ситуации следует, очевидно, искать в плоскости поиска *принципа систематизации* накопленного в рамках учения Маркса «мыслительного материала». По справедливому замечанию И.К. Пантина, его «наследие должно быть, *сообразно его же методу*, соотнесено с изменившейся действительностью, развитием общественной науки и подвергнуто имманентной *духу его учения* критике».¹ (Курсив мой. – М.К.) Однако, как это ни парадоксально, вплоть до настоящего времени диалектико-

¹ Пантин И.К. Репринт выступления / Обсуждение книги Т.И. Ойзермана «Марксизм и утопизм» // Вопросы философии. 2004. № 2. С. 89.

материалистическая методология, воплощенная в теоретических исследованиях и революционной практике основоположников марксизма и ставшая достоянием научного познания во всем мире, применительно к сущности, а также историческому развитию самого марксизма остается недооцененной, фактически в полной мере не используемой, а зачастую откровенно игнорируемой или фальсифицируемой.

В нашей стране наиболее продуктивно философские аспекты научной методологии Маркса разрабатываются в связи с пробуждением в начале 50-х гг. интереса к арсеналу приемов, представленных в «Капитале». Это была попытка, отмечает В.С. Швырев, «как-то реанимировать дух рационально-критического сознания,.. возродить тот творческий потенциал, который существовал у самого Маркса как ученого, как исследователя, как теоретика, а не как идеолога».¹ Марксистская диалектико-материалистическая методология получила развитие усилиями таких авторов, как А.Н. Аверьянов, М.Н. Алексеев, В.Л. Алтухов, И.В. Блауберг, В.А. Вазюлин, Ф.Ф. Вьяккерев, Б.А. Грушин, С.П. Дудель, Б.М. Кедров, П.В. Копнин, В.П. Кузьмин, М.К. Мамардашвили, С.Н. Мареев, И.С. Нарский, З.М. Оруджев, Б.Ф. Поршневу, Е.Ф. Солопов, А.П. Шептулин, Г.П. Щедровицкий, Д.М. Угринович и др. Но решающий импульс в освоении нового исследовательского поля придали, безусловно, работы Э.В. Ильенкова. Именно он своим анализом логики «Капитала» первым пробил брешь в официозном истолковании марксизма и после десятилетий его откровенной апологетики положил начало разработке собственно диалектической проблематики в области логики и методологии научного познания. Однако развернувшаяся в конце 50-х – начале 60-х гг. дискуссия о соотношении диалектической и формальной логики, по словам В.А. Лекторского, «все больше становилась схоластической, а понятие диалектической логики в результате этого в

¹ Берега рациональности. Беседа с В.С. Швыревым // Вопросы философии. 2004. № 2. С. 116.

значительной степени было скомпрометировано».²

Будучи значительно более свободной от прямого идеологического диктата, чем социальная философия, отечественная философия науки уже в советский период делает первые шаги и добивается определенных успехов в решении проблемы идентификации природы научного знания и закономерностей его развития. Внимание в дальнейшем концентрируется на вопросах, связанных с изучением мировоззренческой роли науки и социокультурных предпосылок научного поиска, обоснованием идеалов и норм научного типа рациональности, соотношением теоретического и эмпирического в научном познании и классификацией его основных исторических этапов. Структура и генезис теоретического знания представлены в работах И.Д. Андреева, Д.П. Горского, В.В. Казютинского, С.А. Лебедева, В.А. Лекторского, Е.А. Мамчур, С.Р. Микулинского, Н.В. Мотрошиловой, А.П. Огурцова, В.Н. Поруса, А.И. Ракитова, В.И. Розова, Г.И. Рузавина, В.С. Степина, В.С. Тюхтина, А.И. Уемова, В.Г. Федотовой, В.С. Швырева, Э.Г. Юдина и др. Вместе с тем, и в советский, и в постсоветский периоды проблема соотносительности науки и идеологии, а равно науки и философии *применительно к марксизму* так и не становится предметом детального *объективного* изучения и, соответственно, не получает адекватного решения. Она все время фатально остается «за кадром» диалектической рефлексии, ибо сформулированные Марксом методологически определяющие принципы историзма и системности роковым образом не распространяются, как было отмечено выше, на «составные части» марксизма. Одной из причин является то, что место идеологии в ряду других форм общественного сознания характеризуется значительно меньшей дискурсивной определенностью. Этот пробел в анализе идеологии был в значительной мере восполнен в 1959 г. В.Ж. Келле и

² О прошлом и настоящем (беседа Л.Н. Митрохина и В.А. Лекторского) // Вопросы философии. 2002. № 9. С. 33.

М.Я.Ковальзоном за счет введения отмеченной выше дифференциации эпистемологического и праксиологического аспектов.

Что касается проблематики социальной философии марксизма (и формационной теории, в частности) рассмотренной в диссертационном исследовании, она разрабатывается в рамках советского и современного периодов И.Л.Андреевым, З.А.Бербешкиной, Н.Б.Биккениным, Ю.М.Бородаем, В.А.Глядковым, И.А.Гобозовым, Е.Л.Грининым, В.В. Денисовым, В.Ж. Келле, М.Я.Ковальзоном, С.Э. Крапивенским, Е.Н. Лысманкиным, В.М. Межуевым, К.Х. Момджяном, Ю.В. Олейниковым, Ю.К.Плетниковым, В.Г. Поповым, Е.Г. Плимаком, М.А.Селезневим, Ю.И. Семеновым, И. Н. Сиземской, В.И.Толстых, А.К. Уледовым, В.Б. Устьянцевым, Д.И.Чесноковым, Л.И. Чинаковой, В.Н. Шевченко и др. Весомый вклад в разработку цивилизационной концепции внесли также М.А. Барг, Г.С. Гудожник, И. Калайков, М.П.Мчедлов, Л.И. Новикова, О.А. Сергеева, Б.П. Шулындин.

Значительную роль в популяризации и обновлении как философских, так и социологических идей Маркса сыграли школы западного марксизма. В отличие от официального (канонизированного) советского «марксизма-ленинизма», марксистская мысль в зарубежных публикациях послеоктябрьского периода не находилась под жестким идеологическим партийным контролем, что, в свою очередь, способствовало формированию конструктивной культуры дискуссии. Но, сохранив импульс к развитию, она приняла преимущественно «академическую» форму даже в теоретических исследованиях марксистов, олицетворявших ортодоксальное направление и примыкавших к нему: Д.Лукача, О. Корню, М. Корнфорта, Дж. Хофмана, А. Грамши и др. Зародившись в пограничной области классического марксизма и фрейдизма, Франкфуртская школа (М. Хоркхаймер, Т.

Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм, В. Беньямин, Ю. Хабермас) оказала огромное влияние на всю современную социологию. В русле академического марксизма оказались и философские работы Ж.-П. Сартра, пришедшего к марксизму от экзистенциализма, и марксологические исследования структуралиста Л. Альтюссера. Дополняя друг друга и будучи достаточно плодотворными в осмыслении отдельных содержащихся в учении Маркса категорий (прежде всего проблемы отчуждения и свободы личности), сформулированные западными марксистами философские обобщения не могут, однако, претендовать на статус «неомарксистских», каковой им часто приписывают. Дело в том, что если понимать под «неомарксизмом» *качественно новый этап в развитии* классического учения, подтверждением принадлежности к нему может служить лишь воспроизведение его многогранной структурной целостности, утраченной в XX столетии.

Несмотря на значительный объем проделанной работы, в комплексном рассмотрении марксизма вплоть до настоящего времени явственно ощущается отсутствие того звена обобщающего характера, наличие которого позволило бы выявить историческое место Маркса и как ученого, и как идеолога в проекции *пересечения* этих двух его ипостасей. Вместе с тем, при всей важности и ответственности этой исследовательской задачи она должна быть дополнена анализом *объективных тенденций* в развитии созданного им учения, ибо Маркса нельзя механически «отрывать» от марксизма. Поэтому предпринятая в диссертационном исследовании попытка восстановления теоретического и методологического статуса его собственных концептуальных положений предполагает воспроизведение *логики* исторического развития марксизма в целом. В разных ее аспектах и фрагментах она нашла отражение в публикациях Ю.А. Александрова, Г.А. Багатурии, Н.А. Бердяева, А.С. Бережанского, С.М. Брайовича, И. Валлерстайна, Г.Г.

Водолазова, М.И. Воейкова, М.Н. Грецкого, В.В. Денисова, Д.В. Джохадзе, Р.Я. Евзерова, В.Д. Жукоцкого, В.В. Зеньковского, Б.Ю. Кагарлицкого, К.М. Кантора, С.Г. Карамурзы, И.М. Клямкина, Р.И. Косолапова, И.М. Кривогуза, И.Н. Курбатовой, Н.И. Лапина., К.Н. Любутина, В.М. Межуева, А.Г. Мысливченко, Т.И. Ойзермана, И.К. Пантина, Е.Л. Петренко, Ю.К. Плетникова, Ю.З. Полевого, В.Ф. Пустарнакова, В.З. Роговина, В.М. Русакова, Е.А. Самарской, И.Н. Сиземской, В.В. Скоробогачко, Б.Ф. Славина, П.Б. Струве, В.Х. Тумаринсона, С.В. Тютюкина, И.Х. Урилова, Р.В. Филиппова, О.К. Цапиевой, Б.А. Чагина, В.Н. Шевченко, И.С. Яжборовской и многих других. Однако проблема целостного видения марксизма еще далека от своего решения. К сожалению, даже *постановка* ее отсутствует в многочисленных публикациях Т.И. Ойзермана, являющегося, по словам А.А. Зиновьева, «одним из крупнейших, если не самым крупным, знатоком марксизма в нашей стране и, пожалуй, во всем мире».¹

На фоне достаточно поверхностных, выхолащивающих неоднозначную сущность марксизма и придающих ей тенденциозно-негативное измерение публикаций исключительную значимость приобретают работы тех российских и зарубежных авторов, кто сумел расстаться с укоренившимися в его оценке идеологическими клише и обратиться к анализу противоречия между научностью и «идеологичностью» в нем с позиции имманентной ему диалектической логики. «Знаковыми» в этом отношении, по мнению диссертанта, являются имена Б. Рассела и И. Валлерстайна. Их посвященные данной проблеме произведения, разделенные семью десятилетиями, имеют, помимо всего прочего, еще и символическое значение, поскольку принадлежат современникам начала и, соответственно, трагического финала «реального социализма».

¹ Зиновьев А.А. Репринт выступления / Обсуждение книги Т.И. Ойзермана «Марксизм и утопизм». С. 77.

Книга выдающегося английского философа и математика Б. Рассела «Практика и теория большевизма» относится к той довольно редко встречающейся и сегодня категории теоретических исследований, которые отличаются глубиной проникновения и трезвым научным анализом ключевых проблем современной эпохи в сочетании с нескрываемой симпатией к социалистическому идеалу. Движимый поиском истины и справедливости, Рассел объявляет наивной теорию большевиков, неумелой и непоследовательной их политику, но при этом подчеркивает, что в политическом смысле критикует их только тогда, когда их методы кажутся ему отступлением от их собственных идеалов (т.е. указывает на противоречия *формально-логического* порядка). Многие соображения Рассела *методологически созвучны* взглядам основоположников, хотя он не был знаком основательно с их работами, а критическое изложение марксизма не свободно у него от некоторых, иногда существенных, недостатков.

Заслуга Рассела как философа бесспорна в обосновании, по крайней мере, двух принципиальных теоретических положений. Прежде всего, он одним из первых указал на очевидное для немногих (в частности, также и для Н.А. Бердяева) несовпадение политических декламаций «системы, все еще открыто заявляющей, что она правит *от имени* пролетариата», и *фактической* роли большевизма в истории России. Данный подход и в современной литературе является далеко не преобладающим. Несмотря на то, что Рассел «без колебаний» высказывается «в пользу коммунизма», эту «жизненную философию» нельзя, убежден он, навязать народу силой. Поэтому возрожденные коммунистами деспотические методы имеют известное историческое оправдание только в одном отношении: «Большевизм можно, - по его словам, - защищать... как суровый режим, при помощи которого отсталая нация может быть быстро индустриализована, но в качестве коммунистического эксперимента он потерпел

неудачу».¹ Во-вторых, анализируя «основные пороки» капиталистической системы, Б. Рассел задолго до наступления эры «всеобщего благосостояния» предсказывает возможность ее «обеспечить достаток каждому человеку» и разрешить «проблему нищеты». Несравненно более значимым и уже *неустранимым* пороком капитализма он считает сохраняющийся и даже усиливающийся тотальный контроль в сфере духовной жизни общества со стороны «собственников капитала», которые «имеют влияние, несоразмерное с их численностью или с приносимой ими для общества пользой». Изменяя формы своего проявления, манипуляция общественным сознанием ведет к утрате «действительной свободы» личности и свидетельствует о *трансформации* основного противоречия капитализма. «Именно это принесение человека в жертву организационному механизму, - пронизательно замечает Рассел, - является основным злом современного мира».

Не менее актуальным и методологически столь же аргументированным и продуктивным является ряд концептуальных идей, представленных в работах известного американского экономиста и социолога И. Валлерстайна. Если экстраполировать суть разрабатываемого им *мир-системного подхода* в плоскость социально-философской экспликации, можно легко обнаружить в нем подтверждение марксовской диалектики самоотрицания капиталистического способа производства. «Слабость капитализма, - по словам Валлерстайна, - в воплощении его же целей, в его *полной самореализации*». Это «осевое» теоретическое положение марксизма, ценность которого обусловлена его доказательностью средствами политэкономического анализа, является важнейшим, хотя и не единственным условием определения марксистской идентичности. Валлерстайн не причисляет себя безоговорочно к последователям Маркса, но

¹ Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 97.

утверждает, тем не менее, что марксизм сохраняет богатство своего содержания и «вдохновляет реальные силы общества». «Несмотря на весь отрицательный опыт марксистско-ленинских движений и государств в XX в., эти идеи, - пишет он, - по-прежнему высвечивают тот политический выбор, который нам надо сделать».²

В книге «После либерализма», в которую вошли очерки, опубликованные в период с 1990 по 1993 гг., Валлерстайн придерживается во многом (но не во всем) марксовой методологии социологического исследования, указывая, в соответствии с ней, на важность «четырех ключевых идей»: теории классовой борьбы, неизбежности растущей социальной поляризации (теряющей свою остроту в развитых капиталистических странах за счет растущего абсолютного обнищания периферии), социальной детерминации идеологического комплекса и, наконец, концепта отчуждения. Однако он не использует их в полной мере в качестве критериев выявленных им существенных расхождений между «доминирующей версией марксизма» («партийным марксизмом») и «другими» его версиями. «Доминирующая версия» весьма расширительно (т.е. недостаточно конкретно) рассматривается как «продукт деятельности» двух исторически противоборствовавших партий: немецкой социал-демократии и большевиков. Что же касается иных интерпретаций «аргументов самого Маркса», Валлерстайн довольствуется ссылкой на то, что они «имели крайне ограниченную аудиторию, по крайней мере, до сравнительно недавнего времени». Наиболее уязвимой выглядит его экспликация сущности идеологии, когда он незаметно смещает акценты. Вопросом о возможности возникновения идеологий в будущем, т.е. после окончания «нынешнего всемирного переходного периода», он подменяет проблему их востребованности в настоящем. Валлерстайн не связывает тот факт, что они

² Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003. С. 210.

«выдохлись в прямом смысле этого слова», непосредственно с необходимостью *обновления* идеологической теории, а пишет лишь об «исторической тщетности» прежнего «политического проекта».

Главное и безусловное достижение Валлерстайна заключается в выводах, сделанных им на основе решения поставленной «задачи рассмотреть историческую социологию либерализма». Вопреки, казалось бы, самоочевидному, он формулирует парадоксальный «тезис о том, что крах коммунистических режимов представляет собой не окончательный успех либерализма как идеологии, а решительный подрыв способности либеральной идеологии продолжать играть свою историческую роль».¹ Предпосылкой такого умозаключения выступает не менее спорная, на первый взгляд, мысль о близости и даже совпадении того «проекта общественных преобразований», который был представлен в ленинизме, с господствовавшим до начала 90-х гг. либерализмом. Валлерстайн, безусловно, прав в том, что история выявила полную бесперспективность сведения сути борьбы за социалистическое преобразование общества к «легкой цели достижения государственной власти» с последующим удержанием ее всеми доступными средствами.

Важнейшие выводы И. Валлерстайна, касающиеся оценки артикулированных Марксом «ключевых идей» и перспектив современного капитализма в контексте глобализации, находят подтверждение и конкретизацию в работах российских и зарубежных философов, экономистов и социологов, в частности, В. В. Белоцерковского, А.В. Бузгалина, М.И. Воейкова, Я. Ванека, С. Г. Глазьева, Р. Даля, М. Г. Делягина, Е. Домара, С.С. Дзарасова, Г.И. Иконниковой, В.Л. Иноземцева, Л. Келсо, А.И. Колганова, Д. Львова, Д.Ж. Мида, А. Оноре, В.В. Орлова, А.С. Панарина, И.К. Пантина, С. Пейовича, Ю.К. Плетникова, Б. Уорда, В.Г. Федотовой, Г. Флакиерски, Е.

¹ Валлерстайн И. Указ. Соч. С. 6 – 7.

Фуруботна, Б. Хорвата, Д. Эллермана и др. В социально-философском аспекте выявленную Марксом тенденцию перехода к «научному производству» и обусловленное им иное понимание общественной собственности (как внеэкономической – культурной – категории) на протяжении многих лет исследует В.М. Межуев.

Со второй половины XX в. устойчивой тенденцией инновационного этапа мирового социально-экономического развития становятся демократизация собственности и участие работников в принятии управленческих решений. Главные побудительные мотивы такого перехода – снижение масштабов и остроты социальных конфликтов, повышение степени доверия между всеми участниками производственного процесса, гармонизация личного интереса работника и эффективности предприятия, оптимальное использование творческого потенциала человека. Особую значимость в условиях поиска механизмов экономического, социального и нравственного оздоровления народного хозяйства России имеет теоретическая разработка и распространение опыта модели самоуправляемого предприятия. По мнению диссертанта, именно концепции «рыночного» или «кооперативного» социализма принадлежит будущее уже в среднесрочной перспективе.

В постсоветский период становятся предельно очевидными не только стратегические просчеты нынешнего социально-экономического курса, но и колоссальные, во многом невосполнимые уже идеологические и теоретические издержки прежнего «выбора пути». Российские марксисты, не сумев разгадать загадку притягательности обреченного в их глазах трудового крестьянского хозяйства, так и не решили первостепенной важности аграрно-крестьянский вопрос. Непреходящее значение имеет в этой связи теоретическое наследие отечественных экономистов-аграрников и прежде всего А.В. Чаянова, труды которого не переиздавались в СССР

с 1930 до второй половины 80-х гг. На основе марксовой методологии политэкономического анализа капитализма Чаянов не только убедительно доказал, «что в старом споре «о борьбе крупного и мелкого земледелия» была ошибочна сама постановка вопроса»,¹ но и раскрыл некапиталистический потенциал крестьянской кооперации. Диссертант опирался на его работы с целью иллюстрации преимуществ диалектико-материалистического подхода в анализе природы кооперативного движения.

Важный шаг в направлении рефлексивного «форматирования» диалектической (т.е. неоднозначной) сущности марксизма был предпринят В.А. Глядковым, который в своей (вышеприведенной) монографии обращается к концепту **основного противоречия марксизма**, ранее не привлекавшему внимания ни российских, ни зарубежных исследователей. Исключением здесь является, пожалуй, лишь Н.А. Бердяев, в совершенстве владеющий диалектической методологией сравнительно-исторического анализа. Хотя в своих работах он *терминологически* обозначил «основным противоречием» антиномичность российского национального самосознания и спецификацию религиозной философии истории, фактически данный концепт распространяется им также и на логику исторического развития марксизма, парадоксальным образом отраженную в феномене «русского коммунизма».

Концепт **основного противоречия** представляет собой своеобразный «генетический код», сфокусированный в логике исторического развития марксизма и его социальной философии, в частности. Это последовательная проекция противоречия между практикой социальных преобразований «под знаменем марксизма», с одной стороны, и ее рефлексией в сфере теоретического знания, - с другой, где обнаруживается, в свою очередь, принципиальное расхождение в функциональном

¹ Чаянов А.В. Избранные произведения. М., 1989. С. 188.

предназначении научной методологии и политической идеологии, а применительно к собственно методологическим основаниям – существенное различие в природе таких теоретических метамоделей истории, как формационная и деятельностная парадигмы.

Обе модели изучения истории, взятые в их диалектическом единстве, образуют социально-философский концептуальный базис теоретического знания, благодаря чему марксизм превращается в целостную систему лишь постольку, поскольку он становится *внутренне дифференцированной* мыслительной конструкцией, причем не только в диахроническом, как было отмечено выше, но и в синхроническом аспекте, т.е. уже при жизни основоположников. Вместе с тем, на рубеже XIX-XX вв. его целостность, приобретенная на этапе формирования и превращения в зрелую теорию, подвергается суровому испытанию в ходе обозначившегося идентификационного кризиса. Не ограничиваясь имеющимися в литературе подходами, диссертант предлагает собственную версию его происхождения и разрешения.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении источника и движущих сил развития марксизма сообразно его *собственному диалектико-материалистическому* методу исследования (как синтезу научности и критичности). В качестве *основного противоречия* марксизма (ОПМ) в структуре марксистского социально-философского знания рассматривается единство его парадигмальных составляющих - формационного и деятельностного подходов, соотносительность которых экстраполируется на *диалектический характер взаимоотношения научной методологии и идеологии* в их исторически меняющейся взаимосвязи. Способом разрешения ОПМ на современном этапе, означающим его выход из затянувшегося кризисного состояния, выступает назревшая *потребность в смене (качественном обновлении) базисной*

идеологической парадигмы, вытекающая из признания того очевидного факта, что на смену индустриальному пролетариату как основному производительному классу общества и движущей силе мирового революционного процесса приходит пролетариат «интеллектуальный».

Реализация поставленной цели осуществляется посредством решения следующих **теоретических задач**:

- раскрыть содержание диалектического противоречия как эпистемологически-универсального алгоритма структурно-функциональной и концептуальной целостности многогранного учения Маркса;

- на основе текстуального анализа первоисточников, составляющих теоретическое наследие лидеров западноевропейской социал-демократии и ортодоксального направления в марксизме, обнаружить те подвижные, глубинные грани действительной применимости истины, выход за пределы которых означает, по мысли Ленина, ее превращение в заблуждение;

- выявить ограниченность формализованного подхода к инструментальной системе критериев научного познания;

- проследить логику социально-философской концепции и марксизма в целом;

- проиллюстрировать теоретическую несостоятельность либеральной критики материалистического понимания истории;

- сформулировать варианты постановки и решения актуальных теоретико-методологических проблем, продолжающих оставаться малоисследованными и дискуссионными.

Рабочая гипотеза. С учетом изменений, происходящих в современную эпоху постиндустриализма и глобализации,

проявляющихся отчетливо в динамике наиболее развитых стран мира и находящих отражение также в сфере методологии научного познания, диссертант полагает, что правомерно говорить о наличии предпосылок, свидетельствующих о *завершении* кризисного состояния марксизма, т.е. о «фазовом» *переходе* к третьему этапу.

Симптомами этого качественно нового состояния в развитии марксизма можно считать следующие факторы социологического и эпистемологического порядка:

Во-первых, сам факт состоявшегося на рубеже 80-х – 90-х гг. XX в. крушения «реального социализма» доказывает теоретико-методологическую несостоятельность лишь одного – ортодоксального – направления в марксизме, противостояние которого другой его базовой – диалектической версии насчитывает столетнюю историю. С момента бифуркационного «разлома» в конце XIX в. марксизм оказывается, образно говоря, «един в трех лицах», представленных именами Бернштейна, Ленина и Каутского. Его дальнейшая эволюция обостряла и углубляла противоречия, изначально заложенные в политически доминирующей идеологизированной (ортодоксально-большевистской) модели. Косвенным доказательством преимуществ противоположной – диалектической – модели выступает и драматический опыт постсоветской России, правящий режим которой, игнорируя эту методологию, по-прежнему обеспечивает движение страны в алгоритме «шаг вперед – два шага назад».

Во-вторых, на протяжении последних десятилетий в мире происходит интенсивный, но искусственно сдерживаемый и деформируемый (в условиях России – особенно) процесс формирования интеллектуальной и культурной элиты общества, призванной инициировать прогрессивные преобразования во всех его сферах и взять на себя всю полноту ответственности за будущее человечества. Этот процесс, обусловленный фактором «онаучивания» общественного

производства, в общих чертах был проанализирован и предсказан Марксом и выражает долговременную историческую тенденцию превращения человека из источника прибавочной стоимости в «основной капитал».

В-третьих, анализ осуществляющегося перехода современного капитализма на постиндустриальную ступень развития позволяет говорить о появлении «ростков» социализма в виде нового социально-экономического уклада на основе коллективной собственности на средства производства. Несмотря на то, что удельный вес последней в структуре смешанной экономики социализирующегося капитализма пока незначителен, она уже достаточно убедительно продемонстрировала свою жизнеспособность и эффективность, конкурируя с частной и государственной формами собственности.

И, наконец, в-четвертых, выявляя особенности современного этапа развития научного знания, нельзя не указать на происходящую в современную эпоху смену самой стратегии научного поиска, связанную с утверждением *постнеклассического* типа научной рациональности, в обосновании которого исключительная заслуга принадлежит Марксу. Именно ему впервые удалось создать целостную общенаучную картину мира за счет экспликации органической связи внутринаучных целей с вненаучными, социально значимыми (гуманистическими) ценностями и целями. Благодаря введению «антропного принципа» в формируемый идеал научной рациональности техногенная цивилизация приобретает реальный шанс на выживание и трансформацию в новое качественное состояние.

Научная новизна результатов исследования, полученных лично автором, заключается в следующем:

- впервые как в отечественной, так и в зарубежной литературе диалектическому методу придается статус

руководящего способа исследования и на пути «самокритики» марксизма в его историческом развитии, когда он выступает объектом саморефлексии;

- вводится понятие «идентификационный кризис» марксизма, раскрываются его причины, квалифицирующие признаки и содержание;

- в экспликации соотношения «составных частей» марксизма используется принцип *конкретного* тождества, позволяющий проследить траектории движения марксистской идеологической теории и научной (в т.ч. философской) методологии;

- корректируется сущность критерия марксистской ортодоксии;

- уточняется понятие неомарксизма;

- с помощью концепта **основного противоречия марксизма** (ОПМ) выявляются источник, движущие силы и этапы (периодизация) его поступательного развития;

- в интерпретации логики исторического развития марксизма выделяются три основные (базовые) версии – дуалистическая, идеологизированная и диалектическая;

- осуществляется критический анализ ленинского этапа в развитии марксизма в целом и социальной философии, в частности; фиксируются допущенные ортодоксальными марксистами отступления от диалектико-материалистической методологии;

- обосновывается тезис о том, что либеральная критика социально-философских оснований марксизма, будучи столь же односторонне-тенденциозной, что и вульгаризирующая их марксистская ортодоксия, в методологическом отношении изоморфна ей и потому является модификацией одной и той же – *идеологизированной* – модели;

- выявляются коренные причины кризиса коммунистической и социал-демократической идеологий в современную эпоху и возможные пути выхода из него;

- прослеживаются цивилизационно-идентификационные корни «русского коммунизма», интерпретируемого в качестве превращенной формы национальной идеи;

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Важнейшей предпосылкой перехода России к стратегии инновационного развития является преодоление в общественном сознании недиалектического, т.е. позитивно и негативно-тенденциозного восприятия как ее собственной истории, так и марксизма, сыгравшего в ее судьбе решающую роль. К сожалению, вненаучный (идеологический) характер доминирующего алгоритма в критическом анализе учения Маркса продолжает оставаться отличительной особенностью и современного этапа. Формирование «цивилизованного», по выражению К.Х. Момджяна, отношения к нему выступает, с точки зрения диссертанта, не просто и не только данью востребованной сегодня в нашем обществе толерантности, но и условием выхода России из кризисного состояния и приобщения ее к позитивным сдвигам общемирового порядка. Продолжающийся процесс глобализации уже в обозримом будущем не оставляет выбора: техногенная цивилизация обречена, если «обобществляющееся» человечество не сумеет подчинить своему всеобъемлющему контролю механизм и основные тенденции ее развития.

2. Проблема состоит не в том, что в марксизме можно найти утратившие актуальность положения, а в том, способны ли мы определить те *критериальные* основания, наличие которых позволяет квалифицировать и классифицировать теоретически значимые выводы, отделяя вполне работоспособные от устаревших. При ближайшем рассмотрении выясняется, что большая часть последних принадлежит к арсеналу

идеологической теории, т.е. не может не носить исторически-конкретный и в силу этого преходящий характер. Отсюда следует, что их ортодоксальная консервация, обернувшаяся превращением марксизма в «мертвую догму», обусловлена отказом от последовательного проведения принципа историзма, а это обстоятельство, в свою очередь, указывает скорее на востребованность используемой Марксом методологии социального анализа, чем служит предлогом для ее опровержения. Вместе с тем, необходимо, как полагает диссертант, не отказ от идеологии, а *реинтерпретация* базисной идеологической парадигмы. Без своей идеологической составляющей марксизм превращается в лучшем случае в сугубо «академическую» разновидность.

3. Целостность марксистского учения не только не исключает, но с необходимостью предполагает наличие существенных различий между его компонентами и в концептуальном формате, и в структурно-функциональной проекции. Однако далеко не всякое противоречие свидетельствует об ошибке. Исследовательская программа сводится поэтому к поиску фундаментального, теоретически рефлекслируемого противоречия, которое, разрешаясь на одном этапе, воспроизводится уже в иной форме в условиях следующего и в итоге определяет логику развития в целом. Созданная Марксом теоретическая система должна рассматриваться, следовательно, сквозь призму *основного противоречия*, обусловленного динамикой консеквентного изменения в соотношении научной методологии и политической идеологии, а в более глубоком измерении – взаимодействующих базисных социально-философских парадигм. Исторически-конкретная формула разрешения этого противоречия выводится, в свою очередь, из диалектического сочетания общенаучных методов познания и вненаучных факторов.

4. В структуре марксистского теоретического знания методология (понимаемая в широком смысле как теория познавательной деятельности) и идеология являются в равной мере доминантными, но *в разных* отношениях. Диалектический характер этого противоречия обусловлен сопряженностью с наукой как философии, так и идеологии. Однако легитимность понятий «научная философия» и особенно «научная идеология» вызывает сегодня наибольшие сомнения и даже неприятие. По мнению диссертанта, правомерность их содержательного наполнения вполне допустима, если учитывать, что распространяемый на философию, а равно идеологию марксизма атрибут научности не ведет к их полному «уравниванию» с наукой или «растворению» в ней. По этой причине невозможны ни идеологическая, ни, строго говоря, философская «науки». Даже в рамках марксизма философское знание опирается на науку, но не сводится к ней.

5. С учетом несомненных преимуществ диалектико-материалистической методологии познания, недавний крах «реального социализма», сколь бы трагичными ни были его последствия для судеб российской и мировой цивилизации, *не правомерно рассматривать в качестве финального поражения марксизма*. Скорее, напротив, он симптоматичен в том отношении, что *подтверждает заведомую обреченность лишь одного – ортодоксального - направления в марксизме и потому знаменует логическое завершение его кризисного состояния в целом*. В наличии сегодня имеются уже все необходимые и достаточные объективные предпосылки для «фазового» перехода к **третьему** этапу – *возвращению* к исходному органическому единству объяснительно-формационной и деятельностно-революционной парадигм, подвергнувшемуся «разбалансировке» в результате *консервации* исторически преходящей базисной идеологической парадигмы. Преодоление затянувшегося кризиса находится теперь в прямой зависимости от продуктивного осмысления накопленного исторического опыта с учетом специфики как *научной*, так и *идеологической*

сущности самого марксизма. Восстановление его потенциала связано, иначе говоря, с утверждением *теоретического приоритета науки* по отношению к *обновленному* идеологическому содержанию.

Научно-практическая значимость диссертационного исследования определяется недостаточной разработанностью многих затронутых в нем вопросов, исходя из поставленной цели и решаемых задач. Не теряющая своей актуальности проблема корреляции в марксизме его методологии и идеологии остается, к сожалению, даже современными отечественными марксистами все еще не решенной, т.е. не осмысленной в традициях марксистской же научной дискурсивности.

Что касается негативно тенденциозной оценки марксизма в профессиональной среде философского и научного сообщества, а также в массовом сознании, то она столь же неосновательна, как и его безудержное в прошлом восхваление. Материалы диссертации, сделанные обобщения и выводы представляют теоретический и практический интерес для разъяснения программы деятельности социал-демократического движения, возрожденного в нашей стране в 90-е гг. прошлого столетия.

В учебно-педагогической практике они могут быть использованы при чтении спецкурсов по истории марксизма и марксистской социальной философии, в частности. Диссертант полагает, что возникновение предпосылок для выхода марксизма из кризисного состояния позволяет оптимистически рассматривать и перспективы обществознания в целом.

Апробация результатов работы.

Основные теоретические положения и выводы проведенного диссертационного исследования изложены автором в монографии и статьях, помещенных в рекомендованных ВАКом научно-теоретических журналах, а также: на III (г.

Ростов-на-Дону, 2002г.) и IV (г. Москва, 2005г.) Российских философских конгрессах; VI Всесоюзном координационном совещании «Цивилизация и исторический процесс» (г. Москва, 1983 г.), Всесоюзной (г. Рудный, 1991 г.) и республиканских научно-теоретических (г. Алма-Ата, 1992 г., г. Челябинск, 1997 г.) и научно-практических конференциях (г. Екатеринбург, 1996 г., Челябинск, 1999 г., 2001 г.), первой межвузовской научной конференции (Зеленоград, 2005 г.), международной научно-практической конференции «Конец предыстории человечества: социализм как альтернатива капитализму» (г. Москва, 2003 г.); в выступлении на постоянно действующем теоретическом семинаре «Марксовские чтения» (ноябрь 2006 г.)

Диссертация обсуждалась и была рекомендована к защите на заседании сектора социальной философии ИФ РАН 19 июня 2007 г.

Структура работы подчинена цели и задачам исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, девятнадцати параграфов, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во «**Введении**» обосновывается актуальность выбранной темы исследования, выявляется степень ее разработанности, сформулированы цель, задачи и научная новизна диссертации, отражены достигнутые результаты, их теоретическая и практическая значимость.

В **первой** главе «**ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ МАРКСИЗМА И ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЕЕ РЕШЕНИЯ**», включающей пять параграфов, представлены аргументы авторского понимания сущности идентификационного кризиса учения Маркса и условий выхода из него. С завершением перехода к индустриальной фазе развития капитализма марксизм неумолимо утрачивал свой прежний не только

политический, но также *идеологический* облик. Кризис его самоидентификации в условиях новой исторической эпохи был обусловлен, в конечном счете, происходящими в природе капиталистического способа производства качественными изменениями. Вместе с тем, по мнению диссертанта, *коренная причина идеологических разногласий в социал-демократическом движении определяется тем обстоятельством, что анализ метаморфозы объекта (капиталистического общества) на основе диалектико-материалистического подхода не сопровождался у представителей ортодоксального направления адекватным пониманием синхронных изменений субъекта.* Если в интересах идеологической «чистоты» классового анализа «правовверные» марксисты их попросту игнорировали, то в столь же однозначной экспликации антимарксистов они подавались в качестве несомненного доказательства теоретической несостоятельности и идеологической «самоликвидации» марксизма. Ленинский диагноз кризисного состояния марксистской теории, исчерпывавшийся главным образом ссылками на обостряющуюся идеологическую борьбу, явился, таким образом, односторонним, поверхностным, не отвечающим критериям научности. Более того. Фиксируя достигнутую в историческом развитии марксизма точку *бифуркации*, становление ленинизма в этом смысле не препятствовало, а *объективно способствовало хроническому закреплению* кризисных симптомов, которые ошибочно ассоциируются у Ленина с *отходом* от марксистской «ортодоксии».

В рамках первого параграфа – **«Методологическое значение принципов диалектической логики для экспликации научной сущности марксизма»** - анализируется проблема корреляции различных типов рационального знания в иерархически структурированной марксистской теории. Именно в синхронной принадлежности теоретических взглядов Маркса к принципиально отличным друг от друга типам

рационального мышления и усматривается (причем не только его оппонентами) главный изъян в фундаменте его концептуальных построений. Типичная ошибка в анализе такой сложной мыслительной конструкции, какой является марксизм, состоит, по мнению диссертанта, в упрощающем отождествлении «обманчивой видимости» с его сущностью, выявляемой по законам диалектической логики. Задача заключается, следовательно, в том, чтобы определить, насколько совместимы философское и научное содержание марксизма с их идеологической проекцией в массовом сознании. Иначе говоря, требуется выяснить, сохраняет ли марксизм статус *научной* теории, обнаруживая в процессе становления и развития свойственную его основателю *вненаучную* (т.е. как философскую, так и идеологическую) ориентацию или таковая служит доказательством его «закоренелого, - по выражению Т.И. Ойзермана, - утопизма».

Парадоксальное, «несочетаемое», на первый взгляд, соединение научно-объективного подхода к действительности с признанием его классового характера уже на этапе формирования марксизма выражает его собственную, только ему присущую модальность. Если буржуазная идеология, даже будучи в период своего возникновения и утверждения прогрессивной, никогда не была научной, то пролетарская идеология становится таковой благодаря *научной* философии.

Вместе с тем, марксистов и марксологов и сегодня продолжает дезориентировать пафос революционного утверждения Марксом философии в качестве «духовного оружия» пролетариата, которое фактически является не более чем заявкой на принципиально новое понимание социально-преобразующей практики. История же марксизма убедительно свидетельствует о том, что «теоретическим выражением пролетарского движения» становится непосредственно не философия, а *теория социализма*, превратившегося, по

выражению Энгельса, «из утопии в науку», но являющегося, по сути, *научной идеологической* теорией.

Наличие в учении Маркса идеологической составляющей не оказывает на философию *деформирующего* влияния при жизни основоположников, хотя и не остается бесследным. В этой системе «сообщающихся сосудов» она не является, разумеется, идеологически нейтральной, а распространение материалистического понимания истории на область будущего не исключает того, что обычно именуют «утопизмом». Элемент утопичности в марксизме, действительно, *потенциально* сохраняется, хотя, как отмечает В.М. Межуев, его усматривают не там, где он находится, не говоря уже о той степени, какую ему обычно приписывают. Трансформация марксизма в официальную догму большевистской идеологии означала утрату его научного потенциала *в целом* и, в том числе, обратное превращение социалистического идеала из научного в *утопический*, вследствие деформации диалектико-материалистической методологии.

Введенная Лениным в оборот с целью последовательного проведения принципа пролетарской партийности категория «научной идеологии» позволяла избежать упрощенного толкования взаимосвязи идеологии и науки. Однако внесенные им в исходную методологическую установку коррективы выразились в нормативном требовании *однозначного соответствия* идеологического и научного знания в марксизме. Наделенные атрибутом научности и марксистская идеология, и марксистская философия подавались в качестве системного знания, состоящего из «вечных», не подверженных влиянию времени и происков классовых противников, и потому – *абсолютных* – истин. Тем не менее, с учетом принципа исторической *конкретности*, от которого Ленин, несмотря на все заверения, фактически отступает, феномен научности идеологии применительно к марксизму не является надуманным.

Во втором параграфе «Специфика и генезис идеологической парадигмы марксизма» раскрывается релевантность ее содержания. Основанием для многочисленных обвинений в теоретической и практической несостоятельности, «утопизме» марксизма послужила во многом, если не в решающей степени, апелляция к промышленному пролетариату, поскольку считается неопровержимо доказанным, что он не оправдал, да и не мог оправдать возлагаемых на него надежд в качестве строителя будущего общества. Между тем, известная его идеализация основоположниками не помешала тому, что он в значительной мере *выполнил* свою «всемирно-историческую миссию», расшатав в ходе продолжительной классовой борьбы устой классического капитализма и способствуя этим его переходу на *следующую*, постиндустриальную ступень исторического развития. Установка на революционный пролетарский мессианизм не является, таким образом, ошибкой в ее традиционном толковании (т.е. *нарушением правил формальной логики*), поскольку имеет солидное историческое оправдание. На этом этапе исторического развития марксизма его идеологические постулаты вполне соответствовали реалиям *формирующегося* индустриального общества и у Маркса в решении вопроса о *реальном* субъекте мирового революционного процесса попросту не было выбора. Чтобы раскрутить маховик социально-преобразующей практики, нужно было обеспечить притягательность социалистического идеала и вовлечь в борьбу за его реализацию десятки и сотни миллионов пролетариев. Вместе с тем, *универсальная* (и по масштабам своего «структурного» распространения, и во временном диапазоне) тенденция «пролетаризации» основной производительной силы общества, теряя одни очертания, приобретает другие, и это обстоятельство также подтверждает выводы Маркса.

Идея закономерной трансформации субъективного фактора под воздействием социально-экономических и политических

изменений, происходящих в современную эпоху, в нашей литературе достаточно отчетливо и аргументировано сформулирована, в частности, В.М. Межуевым, В.Л. Иноземцевым, Б.Ю. Кагарлицким, А.В. Бузгалиным, А.И. Колгановым. Эта смена субъекта в ходе социально-преобразующей практики, продиктованная продолжающимся совершенствованием производительных сил, при всей ее принципиальной значимости не отменяет механизма социальной детерминации и логики исторического процесса, выявляемых на уровне социально-философской теории. Индустриальный пролетариат как бы передает «авангардную» эстафетную палочку социального освобождения от гнета капитала и всех исторически возникших на этапе предыстории форм отчуждения носителю «всеобщего труда» - когнитариату, что, разумеется, не исключает, а предполагает на протяжении определенного исторического периода их объединенные, совместные усилия в решении этой задачи.

В то же время марксистская идеологическая парадигма нуждается, как полагает диссертант, в критической переоценке применительно к той ее части, которая относится к тезису о «диктатуре пролетариата». И дело даже не только в том, что последняя так и не нашла в истории своего предполагаемого воплощения, а в том, что понятие «диктатуры» *какого-либо класса* вообще является заведомым упрощением, так как диктатор всегда опирается лишь на определенную *часть*, а не на весь класс в целом. Примечательно в этом отношении, что в работе «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», где Маркс впервые использует термин «классовая диктатура пролетариата» (по аналогии с «диктатурой буржуазии»), в характеристике последней он многократно уточняет, о политическом господстве *какой именно части ее* идет речь. Он фактически «растворяет» данное понятие в содержании того, что именуется «господством буржуазии». «Диктатура» же крайне немногочисленного российского рабочего класса наполняется реальным содержанием и выражается лишь за счет

трансформации в «диктатуру партии», а в советский период - и в «диктатуру вождя».

Сегодня не вызывает сомнения, что *в качестве идеологов пролетарского движения* основоположники марксизма переоценили *степень зрелости* буржуазного способа производства, ошибочно отождествляя эпоху становления промышленного капитализма с периодом его заката. Однако не стоит забывать, что их исторически конкретные представления о капитализме не исчерпывают базисных, собственно философских положений, рассчитанных на значительно больший временной интервал. Альтернативной же марксизму по универсальности и эффективности методологией исторического познания обществоведение не располагает в своем арсенале до сих пор, хотя на последующих этапах развития оно обогатилось многими ценными приобретениями.

В третьем параграфе **«Парадигмальная загадка марксовой философии истории»** рассмотрен ряд накопившихся в концептуальном поле исторического материализма проблем, обусловленных как внешними по отношению к нему (социологическими) факторами, так и его собственной эволюцией в качестве методологического направления, задающего ориентиры социально-философским исследованиям.

Сомнения в плодотворности марксистской методологии социального анализа объясняются, например, неизбежностью существенных ограничений, накладываемых экологическими императивами современной эпохи на показатели экономического роста. Однако, как резонно подчеркивает К.Х. Момджян, критериям социальной материальности в полной мере соответствует только *«потребностная детерминация»* и поэтому есть все основания полагать, что *определяющая* роль материального производства (приоритетность экономики), проявляясь в виде общеисторической закономерности, *будет воспроизводиться даже тогда*, когда экономическая

мотивация, как исторически преходящая форма объективной зависимости индивида от способа распределения предметного богатства, *утратит* свое теперешнее значение.

Часто встречающейся и совершенно некорректной является приписываемая Марксу в виде т.н. «экономического детерминизма» философская позиция, которая ничем не отличается от лапласовского механистического детерминизма. С ходячими упреками по этому поводу нельзя, как полагает диссертант, согласиться уже постольку, поскольку используемые Марксом теоретические абстракции моделируются путем *опосредованного выведения* их из сферы материальных, производственных отношений с учетом *неоднозначной* зависимости между всеми сферами общественной жизни. «Недостаток» же материалистического понимания истории усматривают в *сведении* ее многообразия к экономическому фактору, упрощающему и искажающему ее безжизненными абстракциями. Следовательно, точнее было бы говорить не о детерминизме, а о *редукционизме*, но в этом случае абсурдность обвинения становится гораздо очевиднее.

Отвлекаясь от нынешних конъюнктурных колебаний в области методологии социального познания и опираясь на принцип *деятельности* как теоретически исходной абстракции, нельзя не согласиться с принятой в отечественной литературе советского периода трактовкой исторического материализма как **философской** и в то же время (но в ином отношении) **общесоциологической** теорией. Дифференциация этих относительно самостоятельных уровней обобщения социальной реальности задает систему координат, позволяющую выявить одновременно *активный*, творческий и *закономерный* характер бытия социума. В качестве объективного фактора *опредмеченная* деятельность, в конечном счете, детерминирует непосредственную, «живую». Однако эта детерминация осуществляется в парадоксальной ситуации все более

очевидного возрастания роли субъективного фактора в общественном развитии.

Содержание этого противоречия, составляющего **парадигмальную загадку марксовой философии истории**, далеко не всем последователям Маркса, не говоря уже о противниках, удастся *диалектически* интерпретировать. Трансляция его за пределы социально-философской экспликации (где оно представлено в корреляции формационной и деятельностной парадигм) в сфере классовых отношений создает очередную методологическую «ловушку», поскольку идеологически-однозначный подход к его разрешению строится уже не на диалектическом, а на *формально-логическом* основании. Речь идет о том, что по правилам формальной логики истинность одной из взаимоисключающих посылок означает ошибочность другой.

Для решения вопроса о том, в какой степени деятельность субъекта обусловлена наличными обстоятельствами, факторами социального бытия и, в свою очередь, способна на них влиять, Маркс использует и формационную и деятельностную модели истории, каждая из которых, взятая в отдельности, является заведомым упрощением. Последняя, подчеркивая роль субъекта исторического действия, конституируется в теорию научного социализма в виде одной из «составных частей» марксова учения в целом. Именно с нею марксизм чаще всего и отождествляется. Противоречие между деятельностным и формационным аспектами анализа отчетливо проявилось в том, что идея *естественноисторического* развития буржуазного общества постоянно сталкивается с проекцией преждевременного, а, значит, сугубо насильственного преобразования его в угоду классово-политическим приоритетам. В конечном счете, уже в период «реализованной» исторической «миссии пролетариата» собственно формационная теория оказалась не востребованной в полной мере, отодвинутой фактически на периферию социально-фило-

софского знания, хотя официально никто из марксистов ортодоксального толка ее значения не умалял.

Важнейшие, в том числе дискуссионные проблемы, связанные с ее применением, рассмотрены в **четвертом параграфе «Типологический и генетический аспекты формационного анализа»**. Несмотря на то, что атрибутика формационной теории всегда считалась неотъемлемой принадлежностью советского марксизма, за более чем семидесятилетний период достижения в этой области не были впечатляющими. Наибольшее оживление в атмосферу схоластического теоретизирования внесли дискуссии по проблеме азиатского способа производства, но они не могли коренным образом изменить сложившуюся ситуацию. Она проявилась в «белых пятнах» теоретического знания и ошибках формально-логического порядка, начиная с основополагающей дефиниции, от которых оказались не застрахованными и энциклопедические издания.

Проблема сегодня усматривается даже в том, что материалистическое понимание истории базируется на исследовании Марксом одной общественно-экономической формации (ОЭФ). Данное обстоятельство используется в качестве основания для отрицания формационной теории как таковой. Между тем, ОЭФ предстает как *принцип* объяснения и изучения истории, *содержание* которого в абстрактной и теоретически последовательной форме воспроизводит своеобразие каждого из этих этапов. С учетом такого различия представляются достаточно убедительными высказанные в литературе соображения о неправомерности, с одной стороны, терминологического употребления и разработки особой «теории общественно-экономической формации» вообще, с другой - идентификации понятий «теория формации» и «теория *формаций*». Использование последних на страницах научных журналов и монографий в качестве тождественных ведет к недоразумениям. Будучи общесоциологической теорией,

социальная философия марксизма, как было отмечено выше, является, тем самым, одновременно и *общей формационной теорией*, т.е. теорией *всех* общественных формаций: в формационном подходе сконцентрирована сущность социологического знания, его общенаучный критерий.

Значимость принципа историзма и диалектико-материалистической методологии в процессе исторической концептуализации наглядно проявляется в связи с дальнейшей разработкой *генетического* аспекта формационного анализа. До сих пор остается недостаточно проясненным и в известной мере даже дискуссионным вопрос о возможности определения временных параметров конкретных ОЭФ. Неоднозначно решается в литературе и вопрос о том, являются ли составным элементом ОЭФ *производительные силы*.

Недооценка различий между логическим и конкретно-историческим уровнями формационного анализа ведет к тому, что оппоненты формационной парадигмы нередко объявляют эту теоретическую модель «мыслительной схемой», а то и просто фикцией на том основании, что абсолютно «чистых» формаций «не бывает». Обратной стороной такого подхода выступает представление о многоукладности ОЭФ. Отступая от диалектического понимания общего и особенного, исследователи (а ими чаще всего оказываются историки) вместо многоукладности реальных социальных организмов объявляют таковой ОЭФ.

В основу формационного подхода положена идея *разнопорядковости* ступеней общественного развития. В этой связи в используемой Марксом методологии формационного анализа заслуживает самого пристального внимания принцип членения истории на три большие общественные формации. Обращение к «формационной триаде» Маркса выявляет определенную ограниченность ставшей традиционной в обществознании «пятичленки». Однако издержки, связанные с ее «укорененностью» в теоретическом и, тем более, массовом

сознании, обусловлены в большей степени, по мнению диссертанта, ее *абсолютизацией*, а не отсутствием эвристической значимости.

Непреходящий научный интерес в связи с исследованием механизма возникновения, функционирования и генезиса частной собственности и обусловленного этим фактором процесса перехода от первичной формации ко вторичной имеет проблема «азиатского способа производства». Не останавливаясь на ней детально, диссертант ограничился выяснением принципиального методологического значения данного понятия.

В пятом, завершающем параграфе первой главы **«Единство формационного и цивилизационного подходов в объяснении истории»** отмечены особенности цивилизационной концепции, которая относится, несомненно, к числу самых влиятельных в современной философии истории. Интенсивно разрабатываемая на протяжении XX века в качестве «противовеса» марксистской формационной парадигме, она связана прежде всего с именами А. Тойнби и К. Ясперса и к настоящему времени уже пережила на Западе пик своей популярности. В глазах же многих российских обществоведов, особенно тех, кто, по выражению А.С. Панарина, празднует «освобождение от формационной догматики», ее рейтинг продолжает расти.

Дискуссии, развернувшиеся на рубеже 80-90-х гг. на страницах журналов «Вопросы философии», «Философские науки», «Вопросы истории», «Новая и новейшая история», «Мировая экономика и международные отношения», «Экономические науки», позволили обнаружить издержки, связанные с *абсолютизацией* формационного подхода. По существу, как отмечается в нашей литературе, речь должна идти о необходимости различать собственно формационную теорию и *формационный редукционизм* как ее особую форму.

Бытующее в социально-философской и особенно исторической литературе противопоставление цивилизационной парадигмы формационной фиксирует внимание лишь на внешней, бросающейся в глаза, поверхностной стороне их соотношения, оставляя в тени его диалектический характер. Использование же диалектической методологии в постсоветский период остается весьма проблематичным. Связанные с цивилизационным подходом дополнительные трудности вызваны и тем, что «в отличие от формационной цивилизационная теория применительно к каждой выделяемой ею исторической ступени имеет дело не с одним, а несколькими основаниями. Поэтому цивилизационный подход к историческому процессу является комплексным».¹ Указывая на то, что он обозначает ряд связанных между собой и вместе с тем относительно самостоятельных цивилизационных парадигм, Ю.К. Плетников выделяет в их числе общеисторическую, философско-антропологическую, социокультурную и технологическую. Причем важно отметить то обстоятельство, что их конститутивным основанием выступает сформулированная Марксом *цивилизационная триада*.

Обращаясь к анализу цивилизационных закономерностей всемирно-исторического развития, Маркс создает принципиально иную познавательную модель. Если формационная теория сориентирована на логическую процедуру типологизации общества путем сведения индивидуального к социальному, то цивилизационный подход, напротив, базируется на сведении социального к индивидуальному, определении меры социальности в человеке. Исходя из трех основных технологических способов производства, Маркс выделяет три фазы эмансипации личности. Несовпадение исторических границ первого этапа цивилизационной и формационной триад свидетельствует об

¹ Плетников Ю.К. Формационная и цивилизационная триады К. Маркса // Карл Маркс и современная философия. С. 136.

ином, хотя и соотносительном, ракурсе интерпретации исторического процесса. Смена формационных типов цивилизации и направлена на утверждение той непосредственно общественной формы богатства, критерием которой, согласно Марксу, является свободное развитие индивидов безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу.

Как выражение синдрома глубокого кризиса современного обществознания следует воспринимать убеждение многих философов, ученых и общественных деятелей в том, что именно движение в направлении, заданном формационной парадигмой, привело в итоге к усилению общей нестабильности в мире, истощению природных ресурсов, растущему даже в условиях развитых стран Западу отчуждению, возникновению опасных социальных болезней и т.д. Построенная на диалектическом основании, формационная модель истории подвергается (как и марксизм в целом) теоретически некорректной, односторонне-метафизической интерпретации, порождающей, в свою очередь, упрощенные представления о прогрессе. Многочисленные попытки толковать превратности прогресса как основание для моделирования в духе многолинейной постмодернистской «ризомы», до известной степени, конечно, не лишены смысла. Но призванные подчеркнуть безбрежную *широту* представлений о механизме социальных изменений, они, в конечном счете, выявляют бесплодность своей крайней дискурсивной неопределенностью, как только начинают претендовать на *альтернативное* формационному поле исследования.

В спектре обсуждаемых исследователями марксизма вопросов наибольшего внимания, несомненно, заслуживает феномен внутренне присущей ему противоречивости. Этой проблеме посвящена **вторая** глава диссертационной работы **«КОНЦЕПТ ОСНОВНОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ МАРКСИЗМА В ОПОЗИЦИОННОЙ ПРОЕКЦИИ**

ФОРМАЦИОННОЙ И ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ ПАРАДИГМ», состоящая из шести параграфов. По мнению диссертанта, феномен внутренней противоречивости марксизма, на который обратили внимание его критики, обнаружился, по крайней мере, еще в 80-е гг. XIX в., т.е. если не при жизни Маркса, то на завершающем этапе деятельности Энгельса. Вместе с тем, уже в самом конце XIX – начале XX вв. в интерпретации марксизма тон все увереннее задают представители его ортодоксального направления, которые категорически отрицали наличие в марксистском теоретическом знании каких бы то ни было противоречий. В советской философии, где безоговорочно утвердилось ленинское представление о «монолитной» целостности марксизма, исключаящее допущение сколько-нибудь существенных различий в эволюции жизненной позиции самого Маркса, данный аспект его учения также, разумеется, не мог быть востребован и санкционирован. Но и после того, как прежние идеологические вериги были устранены, появились новые, а проблема противоречивости в оценке теоретического наследия Маркса так и не получила должного философского осмысления.

В комментариях западных марксологов упор делается на противоречие между «молодым» и «зрелым» Марксом. Фиксируя очевидное расхождение в выводах Маркса о сущности и социально-экономических условиях преодоления отчуждения, они связывают их с возрастными особенностями его индивидуальной биографии. Эволюция этих взглядов свидетельствует, с точки зрения либеральных критиков, об измене принципам гуманизма и свободы личности в пользу насилия и диктатуры. В лучшем случае марксизм положительно воспринимается в его ранней, гуманистической форме, в то время как на позднего Маркса возлагается вся ответственность за попытку практической реализации предложенной им программы переустройства общества.

Доля истины в таком дихотомическом (дуалистическом или амбивалентном) понимании различных ступеней творческой зрелости основоположника марксизма, конечно, есть, как, впрочем, представлена она и в советской его трактовке. Однако двухполюсное изображение способно лишь обозначить основные параметры проблемы, не предлагая приемлемого варианта ее решения.

Тем не менее, в рамках **первого** параграфа «**Феномен внутренней противоречивости марксизма в транскрипции либерализма**» данный вариант «критического» анализа заслуживает специального рассмотрения ввиду того, что предстает в качестве образца широко распространенных заблуждений. Весьма показательна в этом отношении либеральная позиция Людвиг фон Мизеса - одного из непримиримых оппонентов марксизма, до недавнего времени малоизвестного российскому читателю. В основе используемого им метода, именуемого «праксиологией», лежит концепция методологического *дуализма*, воздерживающегося «от любых утверждений по поводу сущностей и метафизических концепций». Продолжая традицию баденской школы неокантианства, Мизес руководствуется индивидуализирующим пониманием истории и квалифицирует присущие марксизму противоречия как «нелепости» и «трюизмы». Между тем, эта «яркая критика» еще ярче высвечивает его собственную некомпетентность во всем, что касается особенностей марксистской теории истории. Мизес, в частности, так и не предложил вразумительного объяснения парадоксальному сочетанию в марксовой концепции «фаталистического детерминизма» и «революционного активизма», если, конечно, не принимать в расчет якобы заимствованную Марксом «отчеканенную» гегелевскую формулу «хитрости разума» (*List der Vernunft*). Однако симптоматично, что, раскрывая содержание «активистского детерминизма», Мизес против своей воли *фактически соглашается* с Марксом. «Расщепляя» теорию и историю, он

прокламирует их союз в названии своего произведения, но берет на вооружение «известный афоризм о том, что изучение истории учит только одному: а именно что история ничему не учит».¹ Вместо признания противоречивости прогресса, Мизес, вполне допускающий неизбежность издержек «любого вида человеческой деятельности», предпочитает устранить из «наук о человеческой деятельности» саму «идею» поступательного развития человечества.

По иному, уже с нескрываемой симпатией к Марксу, решают проблему внутренней противоречивости его учения некоторые марксологи, обращая главное внимание на *неадекватность* теоретической интерпретации его взглядов теми, кого принято считать марксистами. Так, по мнению американского профессора Т. Рокмора, наиболее важной и актуальной задачей сегодня выступает «переоткрытие» Маркса в связи с необходимостью освободить его от марксизма. Но противоречие между философией и идеологией марксизма, о котором идет речь, представляется Рокмору абсурдным («подобно попытке найти квадратуру круга») и неразрешимым лишь вследствие того, что ограничивается рамками поставленной им задачи: понять Маркса в контексте классической немецкой философии, выявив его «гегельянское основание». Поскольку Рокмор *a priori* убежден в том, что «марксизм устарел и должен быть отброшен», он, не замечая собственной непоследовательности, редуцирует *многопорядковую* сущность учения Маркса к *одной* из ее интерпретативных идеологических и политических версий.

По мнению диссертанта, как для реабилитации классического марксизма, так и для выработки его *новой исторической формы*, необходимо отбросить иллюзию о возможности полной *внеидеологической* экспликации идей Маркса. Поскольку анализируемое противоречие заложено в

¹ См.: Мизес Л. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции. М., 2001. С. 158.

них изначально, даже гипотетическое «освобождение» Маркса от «марксизма» не способно привести к воссозданию его взглядов в их метафизически «девственной», лишенной противоречий «чистоте».

Перефразируя известное высказывание Энгельса, характеризующего историческое значение древнегреческой философии, можно сказать, что если многочисленные последователи Маркса, развивая, критикуя и исправляя своего учителя, были, в лучшем случае, правы «в подробностях», то сформулированные основоположником социально-философские парадигмы сохранили, в свою очередь, истинность учения «в целом» лишь благодаря потенциальной возможности их *диалектической* интерпретации и... вопреки «попечительству» Э. Бернштейна. **Бернштейнианская версия основного противоречия марксизма**, рассмотренная в одноименном **втором** параграфе диссертационной работы, примечательна тем, что «санкционирует» классические приемы либеральной критики марксистской теории уже от лица официальных представителей последней.

Безусловной заслугой Бернштейна является то, что он раньше других марксистских идеологов *обратил внимание* на вопросы, постановка которых фиксировала наметившийся разрыв между теорией и практикой социал-демократического движения. Ревизионизм, в той форме, какую ему придал Бернштейн, становится, таким образом, выражением *объективного* по своей сути процесса дифференциации в социал-демократическом движении, ибо содержащееся в социальной философии Маркса базисное диалектическое противоречие между формационной и деятельностной парадигмами сохраняет потенциальную возможность их неоднозначной корреляции. Еще при жизни Энгельса «дуализм» выразился в растущем противостоянии революционного и реформистского направлений, различия в политических установках и программных целях которых

вышли за границы теоретических разногласий в истолковании и пропаганде марксизма. Начиная с 1896 г. реформизм, получивший «всестороннее» обоснование в работах Э. Бернштейна, становится течением «пролетарского социализма, приобретает самостоятельный статус как теоретическая позиция и политическая программа». Его, правомерно поэтому, отмечает Е.Л. Петренко, рассматривать как «следствие неизбежной дилеммы, перед которой оказывается массовая политическая партия, исходящая в своих теоретических установках из радикального отрицания существующего общественного строя, но вынужденная вести в его рамках тяжелую и упорную борьбу за частные демократические свободы».¹

Придерживаясь *диалектического* подхода в анализе процесса смены исторических эпох на рубеже XIX-XX вв., вполне естественно допустить, что «ревизия» марксизма была неизбежна, а *инициатива* Бернштейна небезосновательна. Все дело, однако, в том, что пересмотр основополагающих теоретических положений в его редакции превратился, по существу, в «зряшное» отрицание диалектической, т.е. *научной* сущности марксизма. По убеждению Бернштейна, «то великое, что сделали Маркс и Энгельс, они сделали не с помощью диалектики, а помимо нее». Используя, как точно подметил Б.Ю. Кагарлицкий, «методику бухгалтерского дела» в заурядной складской «ревизии», Бернштейн относится к марксизму как к складу готовой идеологической продукции, пытаясь столь незатейливым образом нейтрализовать «вредное, - по его убеждению, - влияние диалектики на их социально-политические взгляды». Подменив диалектическое прочтение основного противоречия в учении Маркса констатацией якобы присущего ему «дуализма», он так и не смог «уничтожить» свойственный марксизму «характер этого компромисса». *Проблема соотношения научного и идеологического аспектов в*

¹ Петренко Е. Л. Социалистическая доктрина Эдуарда Бернштейна. - М., 1990. (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Теория и практика социализма»; № 7). С. 12, 43.

социальной теории марксизма решается им на основе их абстрактно - метафизического противопоставления. Бернштейн, очевидно, даже не заметил, что отказ от диалектической логики ведет к нарушению правил логики *формальной*, многократно обнаруживающемуся в его рассуждениях.

В третьем параграфе «От дуализма к диалектике: корреляция идеологического и научного аспектов марксистской теории в интерпретации К. Каутского» диссертант останавливается на принципиально иной позиции официального, признанного лидера немецкой и международной социал-демократии. Анализ его взглядов заслуживает внимания уже постольку, поскольку внесенные им коррективы в базисную идеологическую парадигму марксизма явились наиболее продуктивными с точки зрения сохранения и развития его *научно-доказательной* базы.

Социально-политические и философские взгляды Каутского, вопреки ленинской оценке, не претерпели сколько-нибудь существенных изменений, а его «оппортунизм» выразился лишь в отходе от *«методологической ортодоксии»*. Он не приемлет антидиалектического пафоса Бернштейна, не призывает на помощь «прозревшего Маркса» против Маркса «заблуждающегося» и не считает, что основоположники «изменили свои взгляды», сами того не сознавая. В противовес этому Каутский подчеркивает, что их научные достижения были бы немыслимы без знания диалектики, которая представляет собой «лучший инструмент» и «острейшее оружие» теоретического исследования, что борьба противоположностей есть «движущая сила всякого развития».

Нельзя, конечно, не принимать во внимание, что в полемике с Бернштейном Каутский в большей мере ограничивается цитатами из произведений Маркса и Энгельса, чем творческим развитием диалектического учения, тем более, что, по его собственным словам, философия никогда не была его «сильной

стороной». Интеллектуального «ресурса» Каутского оказалось явно недостаточно, чтобы выстроить целостную социально-философскую концепцию, *всесторонне развивающую* марксизм в условиях новой исторической эпохи. Но в этом уже, как принято выражаться, не столько вина, сколько беда всей западной социал-демократической мысли, не только не преодоленная, а, напротив, обострившаяся в последние десятилетия. Во всяком случае, на примерах Каутского и Бернштейна, оказавшихся на почве неприятия большевизма в послеоктябрьский период, образно говоря, «в одной упряжке», отчетливо видно, что отнюдь не всякое «новое слово» в марксизме заслуживает доверия и признания, а лишь те, что формируются при распространении *диалектической корреляции на обе концептуальные доминанты марксизма – методологию и идеологию*.

Ленинские упреки в «оппортунизме» и покровительстве «ревизионизму» с точки зрения Каутского не выглядели убедительными. По мере распространения марксизма неизбежно, отмечает он, возникают и различные его толкования, в связи с чем возможность подлинной интерпретации становится весьма проблематичной. Даже если согласиться с тем, что Каутский излишне акцентирует на «поливариантности» марксизма (в чем его упрекают ортодоксы), нельзя не отметить его правоту в части указания на принципиальное отличие между двумя формами российского марксизма («профессорской» и «подлинно пролетарской»). Эти расхождения во взглядах марксистов будут, по мнению Каутского, возрастать и в дальнейшем. Высказанное Каутским утверждение о прогрессирующей «множественности форм марксизма» нашло свое подтверждение в его последующем развитии. Историческая неизбежность «плюрализма» такого рода была отмечена выше.

В отличие от ортодоксов Каутский не отождествляет идеологическую сторону марксизма со всем его многогранным

теоретическим содержанием, как *не отрицает* и наличия **основного противоречия** в марксизме в качестве источника его развития. Позиция Каутского, таким образом, вовсе не свидетельствует о *разрыве* между теорией и практикой, если, конечно, не противопоставлять его интерпретации возможность их *полного* совпадения. По отношению к практике теория всегда является в известном смысле «упрощением». Весь вопрос в *понимании* сущности социально-преобразующей практики, т. е. в теоретическом осознании ведущих к качественным изменениям *путей*. Каутский уклоняется от однозначно-насильственного изменения социальной реальности, но это не доказывает его «отход в теории от марксизма». Благодаря этому он дистанцируется лишь от *ортодоксальных* марксистов, избегающих «двусмысленности» формулировок и доказывающих тем самым собственное «упрощенное» понимание марксистской теории.

Будучи, таким образом, вполне «реалистической», его политическая программа не была в то же время узко *прагматической*, подобно реформистской и ортодоксально-большевистской. Именно различным пониманием практики объясняется упрек в «*непрактичности*», адресованный Каутскому ортодоксальными марксистами.

На протяжении многих десятилетий ленинская критика «каутскианства» в вопросе о переходном характере «нового капитализма» «к более высокому строю» выдавалась ортодоксальными марксистами за доказательство ее безусловного превосходства по отношению к «реформистской» сущности концепции ультраимпериализма». Между тем, в этом противостоянии далеко не все рассуждения Каутского выглядят сегодня теоретически безнадежными и устаревшими. Более того. Нынешнюю глобальную гегемонию корпоративного капитала можно вполне рассматривать как «ультраимпериалистическую политику», направленную на «общую эксплуатацию мира интернационально-объединенным

финансовым капиталом», - политику, осуществимость которой была гипотетически сформулирована Каутским уже в годы первой мировой войны. Еще одним подтверждением состоятельности его научного прогноза служит фактическое объединение Европы к концу XX в.

Тем самым была доказана реалистичность лозунга «союза государств» - «Соединенных Штатов Европы», которые в условиях капитализма, по мнению Ленина, были бы «либо невозможны, либо реакционны».

Четвертый параграф диссертации **«Дихотомия ортодоксального и «легального» марксизма»** затрагивает эволюцию русского марксизма, которая до некоторой степени повторяет противоречивую метаморфозу марксистских идей на Западе. Эта параллель (с учетом, конечно, «русской специфики») отчетливо прослеживается на всем протяжении дооктябрьского периода, проявляясь, в том числе, и в схожести главных действующих персонажей. Вместе с тем, истоки раскола российской социал-демократии уходят своими корнями в российскую ментальность с ее извечным тяготением к крайностям, на почве которой формируется полярность ортодоксально-догматического и критического («легального») марксизма.

Увлеченные многогранным содержанием марксизма, легальные марксисты переносят его теоретические достижения из идеологической и политической плоскости в сферы науки и философии. В большей степени этим обстоятельством, чем «ревизионизмом», объясняется «легальность» данной марксистской школы, ибо, как замечает К.М. Кантор, научное знание в принципе нельзя продуцировать и аккумулировать в *нелегальных* условиях. Правда, русским «критическим» марксистам не удалось в полной мере избежать распространенного неоправданного упрощения в интерпретации исторического материализма, отождествляемого с «экономическим материализмом» (т.е., по сути, с

«экономическим детерминизмом»). В частности, Н.А. Бердяеву чрезвычайно импонирует в марксизме «метафизическая диалектика гуманизма». Но озабоченность «судьбой неповторимой индивидуальности», возведенная в ранг смыслообразующего концепта философских размышлений, не позволяет ему принять многогранное учение Маркса безоговорочно, заставляет сходить с позиции материалистического понимания истории на проторенную дорогу религиозного мировосприятия.

В философских и экономических взглядах П.Б. Струве (которого Бердяев именует «самым культурным и ученым из наших марксистов», а также представителем «буржуазного марксизма»), мы можем обнаружить «всеядность» не меньшую, чем у Бернштейна. Однако, констатируя факт «критического разложения марксизма», Струве оценивает его принципиально иначе в сравнении с Бернштейном, усмотревшим в его противоречивой сущности лишь предлог для демонтажа несущей конструкции. Ревизионистская ориентация не помешала, а, скорее, способствовала (избавляя от ортодоксальной зашоренности) тому, что Струве пошел значительно дальше всех остальных марксистов в экспликации *логики исторического развития марксизма*. На протяжении XX столетия он был первым (и, скорее всего, *единственным!*), кто усмотрел в безрадостном для «верующих» марксистов факте «разложения» «великой и богатой содержанием системы» не только результат *идеологических* разногласий, возникающих на *объективной* основе происходящих в обществе изменений, но и процесс, внутренне обусловленный самой *логикой развития* представленного в марксизме *научного знания*. Утрата им изначальной «эстетической целостности» предстает с этой точки зрения закономерным этапом аналитического «разбора» и *предполагает*, следовательно, возвращение к исходному состоянию, восстановление, *синтез* его, но уже в качественно преобразованном виде.

Струве, конечно, не ставит перед собой сложнейшую задачу реконструкции теоретического здания *развивающегося* марксизма, но вряд ли это «упущение» можно вменить ему в вину, коль скоро решение этой проблемы остается нереализованным до сих пор. Поразительно уже то обстоятельство, что он, казалось бы, по примеру Бернштейна, публично отвергает диалектическую логику как «метафизический довесок» марксизма. Но, будучи в данном случае непоследовательным, именно благодаря вынужденному «отступлению», российский лидер «критического» марксизма с беспрецедентной проницательностью доказывает все ее преимущества на примере сформулированной им закономерности «диалектического разложения» *синтезированного* Марксом многогранного учения. «Чтобы, - по выражению Струве, - быть использованной наукой на самом деле», *созданная Марксом стройная теоретическая система на протяжении всего XX столетия подвергалась преимущественно аналитическому «расчленению» в самых разных аспектах «коллективной наукой», и сегодня «впечатление целого... теряется» уже исключительно вследствие игнорирования «ассимиляции» как общенаучной закономерности процесса познания.*

Этот диалектический (по сути) подход к содержащимся в марксизме противоречиям Струве в значительной мере распространяет и на объяснение природы «марксистского кризиса». Причину его он усматривает в превращении научного социализма в «ортодоксальную псевдонауку». Именуя большевиков «псевдомарксистами», он исходит, по сути, из свойственного им понимания структуры марксистской теории в духе *абстрактного* тождества, т.е. без учета специфичности и относительной самостоятельности прежде всего научного знания. «Ущерб марксизму» заключался, по его словам, в деформации «его научных основ, превращении акцентального в нем в субстанциальное и наоборот».

Предложенная Струве модель капитализации России преодолевала крайности и ортодоксального марксизма, и народнической идеологии на основе социал-демократического подхода. «Фактически, - как замечает И.Н. Сиземская, - это была первая попытка социального моделирования в рамках материалистической интерпретации исторического процесса, ориентированная на практические нужды и реалии страны с учетом ее исторического прошлого и новейших тенденций промышленного развития Запада».¹ Меры, которые имел в виду Струве, выражали суть экономической политики, направленной на формирование *агро-промышленного комплекса*, в *наибольшей степени* соответствовавшего российским реалиям и решению задачи экономического возрождения страны.

Даже переходя в лагерь политических противников большевизма, «критические» марксисты сохранили верность духовному потенциалу марксизма. Об оставшейся на всю жизнь «особенной чувствительности» к нему и на склоне жизни с неподдельной искренностью писал Н.А. Бердяев. Поистине «роковую» роль сыграл марксизм в судьбе П.Б. Струве - автора Манифеста русской социал-демократии, принятого на I съезде РСДРП в 1898 г. Он продолжал считать себя марксистом и после того, как был «отлучен» от него и стал одним из основателей первой либеральной партии в России, а затем и убежденным «врагом Советской власти». В качестве направления «русского марксизма», придавшего ему «смягченный характер», легальный марксизм просуществовал всего несколько лет и уже к 1902 г. сошел с исторической сцены. Но свое теоретическое значение, как подчеркивают отечественные исследователи, он сохраняет до сих пор, поскольку и сегодня, по иронии истории, остаются нереализованными сформулированные его представителями задачи вековой давности.

¹ Сиземская И. Модель капитализации России // Свободная мысль – XXI. 2002. № 10. С. 68.

Особое место в истории «русского марксизма» занимает Г.В. Плеханов. **Как теоретический и политический оппонент В.И. Ленина** он представлен в пятом (одноименном) параграфе диссертации. Следует заметить, что обвинения Плеханова если не в оппортунизме, то в *догматизме* даже сегодня, как это ни странно, продолжают оставаться в отечественной марксистской литературе все тем же несмываемым ленинским «клеймом». И это несмотря на перелицовку у преобладающей части общества оценочной грани самого ленинизма.

По мнению диссертанта, даже если допускать наличие во взглядах Плеханова «догматизма», ему было бы неправомерно придавать *критериальное* значение в сопоставлении с ленинской позицией по принципиальным вопросам, поскольку, во-первых, концептуальные взгляды Ленина также страдают своего рода «революционным» догматизмом (на что прямо указывает Плеханов), и, во-вторых, вследствие того, что эти «догматизмы» *разнонаправлены и неравнозначны* с точки зрения их фактического влияния на судьбу социалистической идеи.

Не продвинувшись в целом дальше Ленина в понимании вектора исторического движения общинного крестьянства, а в вопросе о целесообразности национализации земли даже отступив от этого рубежа, Плеханов точно также не углубляется на уровне философской рефлексии до формулировки концепта **основного противоречия марксизма**, хотя наличие последнего не было тайной для либеральных критиков уже в тот период, когда вышла в свет его собственная, первая по счету марксистская работа «Социализм и политическая борьба» (октябрь 1883 г.) В этой части анализ Плеханова уступает обобщающим диалектическим выводам Бердяева, который поразительно точно выразил суть ОПМ в соотношении его «объективно-научного» и «субъективно-классового» измерений.

Вместе с тем, Плеханов прекрасно отдавал себе отчет в том, что завоевание политической власти - задача, несопоставимая по сложности с переходом к социалистическому обществу, требующим наличия целого ряда самых разнообразных факторов. Неприятие взятой на вооружение большевиками макиавеллиевской формулы «цель оправдывает средства» явилось для него осознанным выбором, убеждением, сформировавшимся на основе качественно иного понимания сущности *социальной* революции. Наряду с принципиальными расхождениями в понимании классических социально-философских «стандартов» теоретического знания разногласия между Плехановым и Лениным проявились в области организационно-тактических принципов взаимодействия марксистской партии с союзниками и противниками в классовой борьбе. Все это, вместе взятое, не дает оснований теперь, по прошествии многих десятилетий, причислять (как еще нередко происходит) Плеханова к марксистам *ортодоксального* толка, даже вопреки его самооценке.

Как и К. Каутскому, ему удалось *диалектически совместить обе концептуальные доминанты марксизма – методологию и идеологию*, исходя из гносеологической приоритетности первой. С этой предельно широкой, отвергаемой Лениным, в силу «абстрактности», социально-философской точки зрения, - не обязательно даже быть социалистом, чтобы объективно «работать» на социалистическую революцию. Достаточно, по мысли Плеханова, *способствовать* перед лицом *внешнего* врага решению общенациональных задач, вытекающих из назревшего «вызова» современности - вхождения России в европейскую цивилизацию. Как никто другой, Плеханов отчетливо понимал, что Россия нуждается не в замене одного «централизованного деспотизма» другим, а в создании *гражданского общества*, могущего успешно противостоять *любой* его форме. *Эта нереализованная и к началу XXI в. первостепенная по своей важности задача продолжает оставаться ключом к «европеизации» России.*

Весомый, но до настоящего времени недооцененный вклад в ее решение принадлежит европейски ориентированной части российской интеллигенции, ищущей и находящей в марксизме варианты *неортодоксального* ответа на вызов новой исторической эпохи. Реальные и мнимые причины разногласий в социал-демократическом движении рассмотрены в **шестом, заключительном параграфе** второй главы **«Формирование революционного потенциала интеллектуального пролетариата»**. Ленин дает, мягко говоря, нелицеприятную оценку всем тем представителям демократической интеллигенции, кто не проникся в должной мере «знаковой» для марксистов идеей диктатуры пролетариата (т.е. не превратил ее по примеру большевиков в «Credo»). Указывая на свойственный мировоззрению этой части интеллигенции «оппортунизм» и сетуя на *«обилие* представителей» ее в рядах самих марксистов и социал-демократов, он по сложившейся традиции ошибочно причисляет ее к «радикальной». Но радикализм определяется не столько высотой поставленной цели, сколько характером используемых для ее достижения *средств*. Вместе с тем, интеллигенция так и не получила в социологическом анализе дооктябрьского периода самостоятельного (классового) статуса, т.е. как бы «автоматически» попадала в разряд «мелкой буржуазии».

Ленинское отношение к интеллигенции нельзя, строго говоря, назвать однозначным, хотя в его работах доминируют, безусловно, негативные характеристики. В позитивном плане ее можно уподобить индикатору или «барометру», который, по словам Ленина, *«всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее»* выражает многообразие огромного спектра общественных настроений «и политических группировок *во всем обществе*».¹ Но именно постольку, поскольку интеллигенция не является, с точки зрения ортодоксальных марксистов, самостоятельным *классом*, она не способна

¹ См.: Ленин В.И. Задачи революционной молодежи // ПСС. Т. 7. С. 343.

выступать в революционной борьбе *от своего собственного имени*. Более того. И в том случае, когда она действует от имени и в интересах пролетариата, за пределами марксистской «воинствующей ортодоксии» ей грозит «оппортунистическое» перерождение. Иными словами, по мысли Ленина, интеллигенция в качестве «нового среднего сословия» не может претендовать (в отличие от крестьянства) на роль «естественного» и *стратегического* партнера рабочего класса. В самых разных облачениях ей достается в лучшем случае скромная участь быть его весьма ненадежным «попутчиком». Однако проблема на деле заключается в том, что интеллектуальный пролетариат, даже оставаясь в положении наемных работников, не может в то же время формироваться и существовать «по образу и подобию» индустриального.

В России, отмечает И.К. Пантин, «демократическая идеология зарождается... как альтернатива либерализму».¹ Но при этом нельзя не учитывать, что между обозначившимися в дооктябрьский период политическими полюсами даже в условиях России не было идейно-теоретического вакуума, ибо усилиями значительного числа представителей «буржуазной» интеллигенции очевидная «разница потенциалов» до некоторой степени *снижалась*, сходя подчас до трудноуловимой грани.

Наряду с легальными марксистами в полосе противоречивого идейно-теоретического сближения как с большевизмом, так и с либерализмом и одновременного отторжения их оказывается, помимо Плеханова, и достаточно неоднородная меньшевистская фракция российской социал-демократии от правого крыла во главе с А.Н. Потресовым и И.Г. Церетели до «интернационалиста» Ю.О. Мартова – на левом. Последний в качестве главного меньшевистского идеолога послеоктябрьского периода, устранившись от однозначно негативной оценки большевизма, продемонстрировал по отношению к нему наибольшую гибкость в организационно-

¹ Пантин И.К. Судьбы демократии в России. М., 2004. С. 56.

тактических вопросах. Будучи, несомненно, одним из самых талантливых марксистских теоретиков, Мартов, несмотря на критику со стороны Ленина, и в его глазах сохранил свой высокий интеллектуальный рейтинг.

В «индивидуалистической» психологии «буржуазного интеллигента», «насквозь пропитанной оппортунизмом», ортодоксальные марксисты усматривают главную опасность для обеспечения идейного и организационного единства марксистской партии «нового типа». Отсюда вполне правомерна, как полагает Ленин, и распространенная в социал-демократических кругах постановка вопроса об «антагонизме» между пролетариатом и интеллигенцией, а «наличность этого антагонизма (и не в одной только русской социал-демократической партии) не подлежит, - по его словам, - сомнению», ибо налицо факты фракционной борьбы и раскола. В измеряемой сугубо идеологическим «аршином» явно упрощенной схеме марксистского теоретического анализа Ленин акцентирует внимание на «невыгодном отличии этого общественного слоя от [*промышленного*. – М.К.] пролетариата», объявляемого самым *передовым* классом с точки зрения судеб человечества. В неправомерности такого отождествления, характерного для всех представителей ортодоксального марксизма и воспроизводимого вплоть до настоящего времени, отразилась историческая ограниченность классового подхода, обозначенного контурами индустриальной эпохи. *Интеллигенция потому и не «вписывается» в параметры равноценного индустриальному пролетариату участника классовой борьбы за освобождение от гнета капитала, что представляет собой образ нового, идущего ему на смену авангарда революционных преобразований.* Примечательно, что хотя Маркс не именует представителей интеллектуального труда «интеллектуальным пролетариатом», термин «пролетариат умственного труда» использует уже Энгельс, а вслед за ним и марксисты второго поколения.

Бороться за «чистоту» пролетарской идеологии, усматривая в *интеллектуальном* пролетариате главную опасность для пролетариата *индустриального* уже тогда, когда в промышленно развитых странах начался подспудно процесс исторической смены их ведущих ролей, - было, в лучшем случае, чистейшей воды «донкихотством». Эта идущая на протяжении всего XX в. борьба с «ветряными мельницами» (т.е. воображаемым «идеологическим» противником) не могла, конечно, увенчаться успехом, но обошлась России невосполнимой утратой значительной части ее интеллектуального потенциала - общенационального достояния, благодаря которому она имеет неоспоримые шансы на мировое лидерство.

Третья глава диссертации **«ГЕНЕАЛОГИЯ, ИДЕОЛОГИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ОРТОДОКСАЛЬНОГО МАРКСИЗМА»**, состоящая из шести параграфов, раскрывает закономерности возникновения, распространения, утверждения и крушения ортодоксальной – политически доминирующей - версии марксизма. Трагический финал «реального социализма» служит убедительным свидетельством недопустимости издержек, являющихся результатом тотальной идеологизации общественного сознания. Но если возведенная на теоретический пьедестал *идея* диктатуры пролетариата в соответствующем ей политико-правовом оформлении опровергнута самой жизнью, то объективная оценка большевизма, вытеснившего при непосредственном участии широких трудящихся масс все остальные «конкурирующие» с ним направления российского освободительного движения, вплоть до настоящего времени продолжает зачастую оставаться неполной и даже односторонней.

Трагико-героический опыт созидания «декретируемого» коммунистической партией социализма, будучи прыжком, по выражению Маркса, «через естественные фазы развития», не «сократил» и не «смягчил», а скорее, как это чаще всего бывало

в истории России, *обострил* и продлил «муки родов». Октябрьский политический переворот знаменовал собой именно *преждевременные* его «роды» (точнее даже искусственное «прерывание беременности»), когда на повестке дня стояла задача индустриализации общества, а не перехода его к социализму. Вследствие этого и успехи социалистического строительства свелись главным образом к продвижению Советского Союза по пути модернизации, обозначившему по мере решения этой задачи и колоссальные в социально-экономическом и цивилизационном измерениях издержки, и симптомы стратегического тупика.

В то же время было бы ошибочно, по мнению диссертанта, рассматривать социалистическую идею только как рычаг идеологического диктата, камуфлирующий корпоративные интересы партийно-государственной номенклатуры. В толще общественного сознания она сопрягалась с незавершившимся, «антиномичным» (Н.А. Бердяев) по своей природе поиском социальной справедливости. Именно этим обстоятельством можно объяснить ностальгические настроения по советским временам, сохраняющиеся у значительной части населения в средней и особенно старшей возрастных группах.

Ментальные особенности мировосприятия, которые еще не стали, к сожалению, в полной мере предметом научного дискурса, в общем историческом контексте бифуркации марксизма анализируются в **первом** параграфе **«Цивилизационные корни «русского коммунизма» как превращенной формы национальной идеи».**

Признавая, вслед за Н.А. Бердяевым, «некоторую историческую правоту» большевизма, следует усматривать ее, однако, как полагает диссертант, *не в научно-теоретическом превосходстве* ортодоксального марксизма над *«сентиментально-романтическим идеализмом»* народников или над *«доктринерским пониманием марксизма»* меньшевиками и западными социал-демократами.

Провозгласив идеологическое содержание марксизма *непререкаемой* (т.е. по сути, абсолютной) истиной, ортодоксальный марксизм порывает тем самым с принципами научного познания. Коренная причина ошеломляющих успехов в строительстве экономики мобилизационного типа лежала, как справедливо полагал Бердяев, в продуктивном использовании исключительно благоприятного *органического синтеза* «русского мессианизма с пролетарским мессианизмом», т.е. в *психологической* привлекательности марксистских идеологически «скрепляющих символов». Парадоксальность ситуации заключается в том, что «реальный социализм» явился *превращенной* (неадекватно выраженной) формой национальной идеи. Это был не только политический выбор, но и перманентный для российского самосознания поиск глубинных корней национальной самоидентификации.

В обращении к «русской идее» в постсоветский период находит непосредственное выражение вполне естественное для современного незавершившегося переходного состояния общества обострившееся столкновение разнообразных, и в том числе полярных, представлений о «судьбе России». Полюсами здесь выступают воинствующий, откровенно националистический и столь же односторонний либерально-космополитический варианты решения проблемы.

Отмеченный Бердяевым, как и многими другими отечественными и зарубежными авторами, явный диссонанс между богатейшим духовным опытом России и ее неспособностью решить элементарные проблемы повседневного бытия продолжает оставаться символом не только нашего недавнего прошлого, но и теперешнего «смутного» времени. Продолжающееся «размывание» национально-идентификационных корней российского менталитета выступает следствием некритического подражания Западу, которое столь же разрушительно, как и его категорическое неприятие в недавнем прошлом. Между тем,

при диалектическом подходе к анализу исторической перспективы западной и российской ветвей мировой цивилизации можно обнаружить не только бросающееся в глаза различие, но и область их растущего совпадения. По закону диалектического отрицания оказывается востребованным как раз тот тип человеческой солидарности (скорее «органический», чем «механический», по терминологии Э. Дюркгейма), потенциал которого Россия «вынашивала» всю свою историю и отчетливо выражала на протяжении двух последних столетий.

В то же время несомненное превосходство западного пути развития, как полагает диссертант, проявляется в его *стихийно диалектической* траектории. Этому в решающей степени способствует практика политических и экономических компромиссов, позволившая Западу прийти к правовому государству на основе формирования гражданского общества. *«Подражая» развитым западным странам в этом смысле, России, действительно, есть чему у них поучиться и что перенять.* Компромисс как способ нахождения наиболее приемлемого для различных социальных групп варианта решения конкретной проблемы – это, собственно говоря, и есть *наиболее общая формула диалектического мышления*, до сегодняшнего дня не получившая распространения на российской почве.

Наряду с особенностями менталитета этому в значительной, если не в решающей степени, способствовали те отступления от диалектико-материалистической методологии, которые проявились уже в самом начале теоретической и практической деятельности В.И. Ленина. **Идеологические издержки ленинской полемики с народниками в социологическом анализе пореформенной России** рассмотрены во втором (одноименном) параграфе. Теоретическая реконструкция всех этапов ленинского оппонирования народничеству представляет собой все еще недостаточно изученный пласт российской

истории, который может быть воспроизведен лишь общими усилиями обществоведов, обогащенных опытом его постсоветского переосмысления. Продолжая обсуждение этой темы, диссертант ограничился анализом наиболее значимых и дискуссионных вопросов, непосредственно проецирующихся в логику исторического развития марксизма.

В отечественной историографии советского периода аксиоматически однозначным выглядело утверждение о том, что ожесточенная борьба с народничеством на этапе становления ленинизма носила *научно-доказательный* характер и выступала важнейшим условием и *закономерностью* распространения марксизма в России. Однако согласиться (с некоторыми оговорками) со вторым из приведенных тезисов можно сегодня лишь в той мере, в какой поставлен под сомнение первый.

Адресуемые Ленину «творческое понимание марксизма» и «научный анализ действительных противоречий капитализма» имеют, разумеется, своим методологическим основанием общесоциологическую теорию марксизма. Но, многократно подчеркивая *принципиальное* соответствие «действительного процесса» капитализации России европейским «формационным» стандартам, он решает эту задачу ценой последовательной и вполне *легитимной* редукции социологического знания к его идеологической проекции. Такого рода подмена в советский период и подается в качестве образца *научного* исследования.

Вся история постановки и решения аграрно-крестьянского вопроса в России пореформенного периода свидетельствует о том, что он, имея первостепенное значение, явился, тем не менее, контрастно ощутимым логическим пробелом в теоретической системе российского марксизма. Констатируя наличие тенденции разложения общины, сдерживавшей инициативу и предприимчивость своих членов, русские марксисты, казалось бы, решительно порывали с традиционной

народнической идеологией об «особом» пути развития России, но тем самым, как это ни парадоксально, вовсе не приближались к истине. Лишенные диалектического подхода, эти представления также не улавливали в полной мере того, о чем свидетельствовали «новые явления в хозяйственной жизни», ибо строились на доказательстве преимуществ западных моделей аграрной капитализации, отнюдь не созвучных настроениям основной массы крестьянства. Все дело в том, что «врастая» в капитализм, крестьянская община как *тип коллективной самоорганизации* не просто «разлагалась», *бесследно* исчезая под натиском классовой борьбы между сельской буржуазией и пролетариатом, но, благодаря стихийно возникшему процессу кооперации, вступила, выражаясь диалектическим языком, на путь *самоотрицания*.

Можно сказать, что в многообразии форм кооперированного российского крестьянства возникали ростки, аналогичные «кооперативным фабрикам рабочих», о которых Маркс упоминает в «Капитале» как о «*первой брешии*» в капиталистическом способе производства. Трудовая крестьянская кооперация имела значительные шансы превратиться в растущий и весьма перспективный *социально-экономический уклад* с отчетливо выраженными *социалистическими* очертаниями. *Эволюция же крестьянского хозяйства отторгала не рыночные отношения как таковые, а навязываемые ему попытки либо разрушения национально-специфической формы адаптации к ним, либо искусственной консервации «самобытности» в виде «грубого» («первобытного») коммунизма.*

Разумеется, с некоторыми сформулированными Лениным положениями следует согласиться, в том числе, конечно, и с тем, что «никакие особенности землевладения не могут, по самой сущности дела, составить *непреодолимого* препятствия для капитализма». Отсюда, как он обоснованно полагает, и ошибочность «самой постановки вопроса: община *или*

капитализм». Однако все дело в том, что ленинская оппозиционность народничеству в той мере, в какой она выстраивается по принципу контрадикторности (противоречия), не отвечает требованиям как формальной, так и *диалектической* логики. Поэтому если народники *идеализируют* общину, закрывая глаза на ее классовое расслоение, то он очевидным образом этот процесс *идеологизирует*, придавая ему завершенные формы и, как это ни парадоксально, также выдавая желаемое за действительное. Положение не спасает даже используемый и им самим обработанный громадный массив статистических данных, равно как и допущенные его оппонентами теоретические ошибки. Ведь фактический материал, если, разумеется, не придерживается позитивистской ориентации, не освобождает от необходимости его *адекватной интерпретации*, а разоблачение несостоятельности доктринальных положений не является «симметричным» подтверждением истинности всех выводов, вытекающих из противоположных убеждений.

Все дело в том, что из существа идеологических воззрений народников следовал теоретически должным образом неотрефлексированный вывод о возможности *иного, отличного от предусматриваемых «классической» постановкой* вопроса пути развития, траектория которого стихийно определялась всем ходом эволюции крестьянского земледелия и была теоретически обоснована Марксом в виде «кооперативного и согласованного труда» на базе *коллективной собственности*. Заявляя об «искусственности» капитализма в России (измеряемого российскими марксистами исключительно полнотой его соответствия либо «прусскому», либо «американскому» образцу), народники были гораздо ближе к истине, связывая российскую модель экономического и духовно-нравственного развития с движением по «некапиталистическому» (по сути, кооперативному) пути. *В свойственных им абстрактных (внеисторических)*

представлениях о социализме воплотилось неприятие исторически конкретных форм западного капитализма.

В то время как народники во многом «идеализировали» реальные тенденции социально-экономического процесса, Ленин придерживался столь же произвольного объяснения движущих революционных мотивов крестьянской массы с ее преимущественно общинным самосознанием. Ведь совершенно очевидно, что выдвигавшиеся им в качестве теоретически безупречных аргументы в пользу европоцентристской установки на «пролетаризирование» крестьянства могли вызывать симпатии только у российской «сельской буржуазии», стремящейся к «власти денег». Если согласиться с тем, что, по его словам, «более или менее решительно, более или менее последовательно, более или менее сознательно к этому исходу стремится не только пролетариат, но и широкие крестьянские массы», придется признать, что «инстинктивно» последние были одержимы желанием... *самоликвидации* (т.е. «раскрестьянивания»).

Вносимые Лениным в базисную идеологическую парадигму марксизма коррективы не предполагали отказ от абсолютного приоритета политической идеологии по отношению к научному знанию, поскольку не только ничего не меняли в прогнозировании исторической судьбы российского крестьянства, но служили дополнительным аргументом для упрочения прежней ортодоксальной точки зрения. Купленный впоследствии ценой кровопролитной гражданской войны союз рабочего класса и беднейшего крестьянства так и не развеял до конца ленинские сомнения по поводу пролетарской идентичности «социализируемого» крестьянства. Несмотря на произведенную классовую «зачистку», оно по-прежнему оставалось по природе своей «мелкобуржуазной стихией, ежечасно рождающей капитализм», т.е. в лучшем случае «полупролетариатом». Ленинский лозунг «диктатуры пролетариата *и крестьянства*» (пришедший на смену тезису об

«условной» его поддержке со стороны рабочего класса) явился, таким образом, «новым словом» лишь в идеологической транскрипции марксизма, подававшейся на языке советского официоза в качестве убедительной иллюстрации доказательства *адаптации* марксистской теории применительно к специфике России. Как бы то ни было, важнейший урок, усвоенный Лениным из опыта первой русской революции, заключался в осознании того, что *во имя сохранения цивилизационной идентичности (т.е. самозабвенно отстаиваемой народниками «самобытности»)*, даже в ее односторонне понятом – идеологическом – измерении, Россия не могла безоглядно следовать в фарватере Запада.

В третьем параграфе «**Параметры демократии и диктатуры**» анализируются теоретическая непоследовательность и внутренняя (формально-логическая) противоречивость, *свойственные* аргументации ортодоксальных марксистов в решении данной проблемы. Сформулированный Марксом тезис о диктатуре пролетариата явился, как уже было отмечено, «самым слабым звеном» в созданной им системе теоретического знания. Однако ни Маркс, ни Энгельс не превращают понятие «диктатура пролетариата» в *credo* (символ веры), в то время, как их ортодоксальные эпигоны придают ему хрестоматийно-мифологизированное, на языке светской религии сакральное значение. Развиваемые Лениным общеизвестные положения марксизма, послужившие обоснованием практических преобразований, не могут не вызывать сегодня ощущение логических неувязок уже постольку, поскольку определяются тем, *как логически расставлены акценты*. В реализованной большевиками модели «диктатуры пролетариата» остается недоказанной (фактически опровергнутой) правомерность ее *отождествления с демократией нового типа*.

Недостатком ленинского понимания феномена насилия выступает, по мнению диссертанта, отсутствие его базисной

философской дискурсивности (т.е. определения как насилия *вообще*). Если понимать под ним *принуждение* со стороны государства и общества к соблюдению установленных поведенческих стандартов, не принимаемых индивидом в качестве *осознанной необходимости* (т.е. свободного выбора), то, очевидно, нельзя не признать, что по отношению к определенной части общества насилия не удастся избежать в принципе. *Принимая самые разнообразные формы и играя различную роль в истории, принуждение со стороны общества по отношению к индивиду остается неизменным атрибутом не только правовой, но и моральной регуляции.* По этой причине его функция в исполнении государством *не исчерпывается* классовым содержанием, хотя именно последнему уготованы в историческом процессе наиболее драматические формы проявления. Следовательно, если диктатура представляет собой *крайнюю* форму насилия, то и демократия отнюдь не исключает его как такового по отношению к отдельным индивидам.

Элемент принуждения, исключаемый Лениным из механизма социального управления бесклассового типа, предстает в противопоставляемом ему классово-антагонистическом обществе в виде сущности «наиболее глубокого порядка», метафизически отождествляемой с *диктатурой*. Возведенное в ранг государственной политики «насилие во имя интересов трудящихся» закономерно оборачивается ликвидацией свободы для всех членов общества.

Из марксистской идеологической парадигмы следует, что пролетариат не может освободить себя, не решив задачу социального освобождения всех угнетенных и эксплуатируемых. Но «изъятая» у эксплуататоров в борьбе за политическую власть свобода именно поэтому не является уже его монопольной собственностью. Ее превращение в *общенациональное* достояние означает, что она не может служить «разменной монетой» во взаимоотношениях классов и социальных групп. Пролетариат, если допустить, что он

действительно в состоянии был бы установить свою классовую диктатуру, т.е. тотальную власть над обществом, не был бы свободен, следовательно, так же, как не может быть, по словам Маркса, свободен народ, угнетающий другие народы.

Социализм, по замыслу основоположников марксизма, *в принципе не может быть шагом назад* в отношении свободы личности, достижимой в значительной (хотя, разумеется, далеко не достаточной) степени уже в условиях развитой буржуазной демократии. Ленин не отказывается от идеала «свободы личности», но при этом, в отличие от Маркса и Энгельса, недвусмысленно демонстрирует готовность *«покупать равенство ценой свободы»*.

Глубокое расхождение формального и фактического политического субъектов в советский период так или иначе повлияло на характер и логику ленинской аргументации в решении столь же фундаментальных, как и рассмотренная выше, социально-философских проблем. На них диссертант останавливается в **четвертом** параграфе **«Критический анализ ленинского этапа в развитии философии марксизма»**. Положение о «ленинском этапе» развития марксистской философии выглядит сегодня, по меньшей мере, весьма неоднозначным, хотя, как замечают в этой связи К.Н. Любутин и В.М. Русаков, Ленин «наращивал философский потенциал, становился профессионалом и в философии».¹ Во всяком случае, в этой области знания он был далеко не «рядовым марксистом» (в соответствии с его скромной самооценкой).

В сравнительно небольшой по объему части теоретического наследия, где речь идет об отношении к *общефилософской* концепции Маркса, отправным пунктам онтологии и гносеологии, Ленин остается наиболее авторитетным, талантливым и оригинальным популяризатором - мыслителем,

¹ Любутин К.Н., Русаков В.М. Отечественная философия советского периода. Очерки. Ч. 1. Екатеринбург, 2001. С. 121.

последовательно их придерживающимся, отстаивающим и развивающим. Что же касается социальной философии, то «вклад» его более чем сомнителен. Ленинское отступление от диалектико-материалистической методологии не было фронтальным, как у Бернштейна, но эта «ревизия» (уже в неявном виде) обнаруживается в интерпретации «краеугольных камней» социальной философии.

Формально Ленин не только никогда не заявлял авторских прав на создание *собственной* социально-философской концепции, но, напротив, на протяжении всей своей деятельности ссылаясь на аутентичность отстаиваемой им позиции марксовской философии истории. Однако исторический материализм, как отмечает Бердяев, в советский период «незаметно превратился в своеобразный идеализм и спиритуализм». Оставаясь «священным символом» для советской «философии социального титанизма», он вынужден был уступить свое место субъективизму в угоду непомерно разросшейся идеологической стороне, которая утверждалась, «насилуя логику и философскую терминологию». Так, вопреки требованиям диалектической логики, Ленин не только не усматривает необходимости «изучения противоречия *в самой сущности*» марксизма (накладывая «табу» на постановку проблемы), но и придает понятию «диктатуры пролетариата» статус «*абсолютной идеи*», гипертрофирует роль субъективного фактора в истории, формулирует в духе критикуемого им самим «*абстрактного тождества*» соотношение социальной и политической революции, диктатуры и демократии. Важнейшей, концептуально определяющей из числа такого рода теоретических ошибок явились его взаимоисключающие представления по вопросу о сущности и роли монополистических объединений в общественном развитии. Справедливо утверждая, что «*всякая монополия порождает неизбежно стремление к застою и загниванию*» в том случае, когда не встречает противодействия в виде «свободной конкуренции», он не сомневается в то же

время в *абсолютном* превосходстве формируемой им однопартийной системы, претендующей на безраздельный монополизм *во всех сферах* общественной жизни.

Причину того, что в советский период диктатура проявляется, по словам Бердяева, «даже в философии», следует, таким образом, искать не в самом диалектическом материализме и даже не в забвении Лениным «азбучных истин» диалектики, а в том, что их идеологическая транскрипция, вытекающая из осознаваемых им потребностей социально-преобразующей практики, была для него *субъективно несравненно более значима*, вытесняя и заслоняя собой политически-нейтральные «абстрактно-теоретические» конструкции. Именно в своеобразии «текущего момента» находит он объяснение возникающим расхождениям. Вместе с тем, ссылка на значимость практики в апробации теоретических положений не освобождала, а лишь усугубляла те острые углы, которые явственно обнаруживались в противоречиях формально-логического порядка.

В пятом параграфе предметом рассмотрения выступает **советский марксизм как фактор модернизации «под флагом» социализма**. Советскую модель социалистического общества нередко и вполне обосновано именуют «государственным социализмом». Неоднозначность всех имеющихся сегодня точек зрения на его природу и их представленная в литературе характеристика (важная сама по себе для иллюстрации полноты картины) выходят за границы проводимого исследования, сконцентрированного на логико-методологическом анализе **основного противоречия марксизма** как социально-философской концептуальной установки. Поэтому в многообразии позиций и мнений на этот счет диссертант ограничился обоснованием вышеозначенного подхода, прослеживая его преимущества в осмыслении данной проблемы.

Мифологизированная социалистическая идея в советский период выполняла главным образом «служебную» функцию, т.е. являлась не столько сутью, сколько *способом* реализации как интересов правящей номенклатуры, так и жизненно необходимой для страны программы ее модернизации. Даже соглашаясь с тем, что это был «вход» в мировую цивилизацию, нельзя не учитывать того, что он осуществлялся *в обход* общечеловеческой системы ценностей и потому явился крайне непоследовательным и в итоге... недолговечным.

Весь трагизм этой внутренне противоречивой ситуации состоял в том, что социалистически окрашенный, обновленный патриотизм для большинства советских граждан был *подлинным* (т.е. укорененным, как было отмечено выше, в структуре менталитета) лейтмотивом мышления и действия, но его объективированным результатом выступало лишь всегдашнее, по выражению Бердяева, «возрастание государственного могущества». Паразитировавшая на социалистической идее и патриотической риторике модель управления, «выстроенная» Сталиным по ленинским «чертежам», решала проблему «оправданности государства» традиционно деспотическими методами. Правда, в отличие от Петра I, он использовал «варварские средства борьбы» уже не против «варварства», а с целью устранения всех инакомыслящих, включая прежде всего интеллектуальную и культурную элиту советского общества, которая не только не являлась препятствием на пути модернизации, но была ее мощным катализатором. Волюнтаристская траектория «генеральной линии партии», ориентированная на державные приоритеты, достаточно хорошо различимые на фоне непрекращающихся «перегибов», игнорировала или, в лучшем случае, вытесняла на задний план интересы «живых, действующих индивидов». В итоге вместо смены антагонистического типа социального прогресса неантагонистическим сформировалась новая историческая форма отчуждения.

Упрощенный сравнительный политэкономический анализ противоположных способов производства своим непосредственным результатом имел, как известно, сформировавшуюся в нашей стране модель т.н. «затратной» экономики. Увязнув в противоречиях, административно-командная система оказалась совершенно непригодной для решения задач *постиндустриального* этапа развития СССР. Экономика мобилизационного типа действительно обеспечила *тактический рывок*, но, как позже выяснилось, лишь ценой *стратегического отставания*, закономерным результатом которого явилась ощутимая дискредитация социалистической идеи.

Вместе с тем, сама установка на активное вмешательство государства в экономическую жизнь общества, если исключить ее доведенное до абсурда воплощение в нашей стране, была достаточно продуктивной и уже в 30-е годы нашла выражение в кейнсианской теории «регулируемого капитализма» и применение в «новом экономическом курсе» Рузвельта, а затем и в практике других государств.

*Историческое значение советской модели социализма и состоит в том, что она впервые убедительно доказала, с одной стороны, принципиальную возможность государственного регулирования экономики (успешно практикуемую ныне как на Западе, так и на Востоке) и, с другой, - низкую эффективность такой регуляции в условиях **нормального** (не экстремального) развития вследствие отсутствия конкуренции в виде иных, помимо государственной, трудовых форм (коллективной и индивидуальной) собственности.*

Отмеченная в диссертационном исследовании двусмысленность артикулированных сталинских тезисов, будучи выражением «генетически модифицированного» марксизма, может «конкурировать» только с образцами мышления типа «бернштейнианского ревизионизма». Будучи

непревзойденным мастером провокаций, идейным вдохновителем и организатором собственной, по выражению Л.Д.Троцкого, «школы фальсификаций», Сталин до неузнаваемости извращает смысловую направленность аргументов всех своих оппонентов. Диссертант анализирует логические неувязки в сталинских рассуждениях, которые Н.И. Бухарин совершенно адекватно квалифицировал как вращение в «порочном круге».

Для понимания логики исторического развития марксизма немаловажное значение имеет сегодня позиция «правых коммунистов» - той части ортодоксальных марксистов, которая, придерживаясь принципа абстрактного тождества в понимании природы «составных частей марксизма», *на практике* (во второй половине 20-х гг.) в наибольшей степени приблизилась к адекватному применению его методологического потенциала. Эта тема представлена в **шестом** параграфе **«Эрозия и рецидивы марксистской ортодоксии в теоретических построениях Н.И. Бухарина»**. Переболев «левизной», Бухарин сумел критически оценить иллюзорность прежних убеждений, извлечь для себя теоретически и практически значимые выводы из захлебнувшейся «красногвардейской атаки на капитал». Обращаясь к ленинскому «завещанию», он находит в нем основания для отказа от всепоглощающих «революционных приемов» в пользу «действий реформистских». Вместе с тем, отмежевываясь от легковесной революционности, чреватой экономической катастрофой, и настаивая на преимуществах рыночного регулирования (при сохранении контроля со стороны государства), «правые» шли значительно дальше ленинского понимания нэпа, в неоднозначности которого все же отчетливо просматривался акцент на *вынужденном* характере «отступления». При допустимости всех диктуемых жизнью «компромиссов», монополия партии на власть оставалась для Ленина, как было отмечено выше, непререкаемой, т.е. *абсолютной* истиной. «Реформизм» же бухаринской группы *логически* вел к отступлению от

марксистской ортодоксии, несмотря на то, что не сопровождался формальной ревизией идеологической конструкции «диктатуры пролетариата».

В теоретических рассуждениях Бухарина причудливо сочетаются искренняя убежденность в истинности марксистских идеологических постулатов и приверженность тому алгоритму мышления, который можно условно именовать «диалектической интуицией». В этом отношении он выгодно отличался от остальных партийных лидеров, включая Троцкого, хотя критические замечания последнего по адресу сталинской политической системы и сегодня поражают глубиной проникновения подчеркнуто разоблачительного пафоса. Во всяком случае, солидаризируясь с достаточно высокой ленинской оценкой интеллектуального ресурса Бухарина, именно поэтому нельзя согласиться с тем, что он «*никогда* не понимал вполне диалектики». Это замечание тем более уместно, что и ленинское владение диалектической методологией является, как было отмечено выше, весьма *избирательным*. Даже соглашаясь с Лениным в том, что во взглядах Бухарина «есть нечто схоластическое», было бы ошибочным не учитывать его стремление «пополнить свои знания и изменить свои односторонности», чего нельзя сказать о других «вождях».

Вместе с тем, диалектико-интуитивные прозрения Бухарина, столь значимые на фоне культивируемого Сталиным вульгарно-идеологического редукционизма, относятся именно к пониманию созидательного потенциала нэпа. Его теоретическая позиция *научна* в той мере, в какой ставит во главу угла не идеологический, а универсальный марксистский *общесоциологический* критерий (что позволяет, в свою очередь, Сталину рассматривать ее как «приближение к теории катедер – социализма»). Апеллируя к понятию производительных сил, Бухарин высказывает весьма продуктивные соображения по вопросу о сущности рыночных отношений при социализме в

связи с опровержением своей причастности к проповеди «свободной игры экономических сил» и «вольного экономического рынка».

Учитывая неоднозначную (противоречивую или двойственную) сущность «революционного насилия», Бухарин не отрицает его значения, а лишь избегает вульгарно-идеологической *абсолютизации*. Политику «классовых боев» он подчиняет подлинно социалистическому критерию «роста всеобщего благосостояния». Жертвуя идеологической «чистотой» марксистской ортодоксии, он попадает в весьма затруднительную, если не безвыходную для всего «правого уклона» ситуацию. Что же касается понимания *логики* развития марксизма в целом, он, действительно, остается революционным «схоластом», впрочем, как и все без исключения ортодоксы. На его примере хорошо просматривается та фундаментальная особенность, которая свойственна радикальному направлению в марксизме: *диалектическая логика теряет все свое критериальное значение в теоретической области, как только абсолютизируется ее идеологическая функция.*

В четвертой, заключительной главе диссертации **«СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ В РАКУРСЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОСНОВНОГО СОДЕРЖАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ»** рассмотрены актуальные проблемы марксистской теории. Анализ «позднего» капитализма в рамках позитивно-критического, творчески развиваемого марксизма в постсоветский период продолжила сравнительно небольшая часть отечественных обществоведов, среди которых выделяются работы А.В. Бузгалина. По его замечанию, центральной задачей в формировании активной общественно значимой идеологии продолжает оставаться оценка рождающегося на наших глазах нового типа общества в развитых странах Запада. Исследование этих новых реалий интенсивно разворачивается в зарубежном общественном знании на

протяжении последних 30-40 лет и связано прежде всего с получившей заслуженное признание концепцией постиндустриального, технотронного, «информационного» и т.д. общества.

Вместе с тем, по мнению этой группы *теоретиков-неомарксистов* факторами, определяющими социальный прогресс в планетарном масштабе, становятся предсказанные Марксом процессы, происходящие «по ту сторону материального производства», а его критерием - преодоление всех форм отчуждения и создание предпосылок гармоничного и свободного развития человека в диалоге с природой. Этот социально-экологический императив современной эпохи, свидетельствующий о *самоотрицании капитализма*, реализуется, однако, в чрезвычайно противоречивых и зачастую уродливых, превращенных формах.

Следуя марксовской методологии, можно прийти к выводу о том, что действительной, а не надуманной (идеологически конструируемой) точкой отсчета *социальной революции* в ее предельно обобщенном, философском понимании служит, по терминологии Маркса, «технологическая революция». Развернувшаяся во второй половине XX в. научно-техническая революция и расставила, как принято говорить, все точки над *i*. Социальная революция, в отличие от происшедшей в России революции *политической*, имеет *необратимый* характер. По этой причине крах «реального социализма» в СССР и других государствах, несмотря на его крайне негативные последствия, в *формационном* (т.е. более существенном) измерении, логики исторического процесса ничуть не нарушает. *Современная эпоха остается в истории человечества, как бы парадоксально это ни звучало, эпохой перехода его от капитализма к социализму даже после утраты практически всех социальных завоеваний «лагерем социализма».*

По иронии истории именно тогда, когда потенциал общества, именуемого «реальным социализмом» (объективно

ограниченный, как было отмечено, главным образом программой модернизации) в СССР уже близился к исчерпанию, на Западе начинается процесс *социализации* капитализма, т.е., по определению Ю.К. Плетникова, «возрастание общественных начал его организации, функционирования и развития».

В первом параграфе «**Формационная и деятельностная парадигмы в теоретическом анализе социализирующегося капитализма**» рассмотрен ряд актуальных методологических вопросов, имеющих дискуссионный характер.

Прежде всего, важно подчеркнуть, что с точки зрения творческого марксизма социализация капитализма не опровергает, а *подтверждает* приоритетность технологического фактора и является синдромом артикулированного Марксом «упразднения капитала как частной собственности *в рамках самого капиталистического способа производства*». В качестве отправного пункта анализа сохраняется марксистский тезис о присущем буржуазной общественной системе **основном противоречии**, которое, вопреки мнению многих западных, да и отечественных исследователей, не только не «испаряется», но приобретает иную, еще более разрушительную форму. С учетом нового этапа генезиса речь идет о *глобальной гегемонии корпоративного капитала* как единой экономической, социальной, политической и духовной силы.

Достаточно глубоко, как свидетельствуют новейшие тенденции в развитии социума, была разработана Марксом проблематика труда и собственности. *Прогрессивная направленность исторического процесса определяется движением к такой форме их диалектического единства, в условиях которой обобществление средств производства не устраняет, а утверждает собственность каждого индивида, качественно изменяя при этом ее природу.*

Растущие в последние десятилетия масштабы диверсификации частной собственности подтверждают выводы Маркса и в той части, где он указывает на закономерность перехода предприятий в полную собственность самоуправляемых трудовых коллективов, в пределах которых *«уничтожается противоположность между капиталом и трудом»*. Тем самым доказывает свою принципиальную реализуемость и отмеченная им в середине XIX в. программная установка социал-демократической партии на устранение классового антагонизма и *гармонизацию* отношений между наемным трудом и капиталом, казавшаяся прежде и «оппортунистической», и утопической.

Это означает формирование в структуре многоотраслевой капиталистической экономики нового, т.е. *социалистического общественно-экономического уклада*. Своеобразие его состоит в том, что *работник является собственником используемых в технологическом процессе средств производства только в рамках данного производственного коллектива*. Социализм с этой точки зрения демонстрирует свое превосходство уже за счет качественно иной трудовой мотивации. Будучи опосредована *коллективной*, индивидуальная собственность, таким образом, диалектически коррелирует с общественной, т.е. и не сливается с ней полностью (как *частная* собственность «ассоциированных производителей»), и не противостоит ей как «частная собственность *разъединенных* производителей». Подобное «обобществление» никак нельзя считать сугубо «формальным» и, следовательно, не заслуживающим тщательного изучения и пропаганды. Напротив, грань между социалистическим общественно-экономическим укладом и т.н. «народным капитализмом» имеет достаточно определенные объективные параметры. Даже воспроизводя «все недостатки существующей системы», кооперация на основе полного владения работниками своими компаниями несет реальную угрозу всемогущим гигантских транснациональных корпораций. Поэтому, несмотря на значительно более высокие

экономические показатели, чем в компаниях с частичной собственностью работников, и практически полную ликвидацию такого живучего явления, как коррупция, эти фирмы пока еще немногочисленны. Реальная проблема заключается в том, что высший менеджмент стремится не допустить перехода контрольного пакета акций, дающего право на руководство компанией, членам трудового коллектива.

В рамках *смешанной* экономики все более значимым фактором общественного (в том числе – материального) производства становится *интеллектуальная* собственность, а ее обладатели, соответственно, переходят в разряд «передового» класса. Можно предположить, что в социалистическом обществе индивидуальная трудовая форма собственности в сферах материального и духовного производства не только сохраняется наряду с коллективной и государственной ее формами, но в условиях качественного изменения характера труда имеет *исторически неограниченные* перспективы.

Вносимые интеллектуализацией труда на этапе «постклассического» капитализма коррективы связаны с усложнением внутриклассовой стратификации и формированием особого социального слоя, способного к самоорганизации. Историческая миссия формирующегося субъекта борьбы за освобождение труда заключена в его способности осознать приоритетность глобальных общечеловеческих проблем, возникших на завершающем этапе предыстории, и преодолеть многообразие всех форм отчуждения в ходе изменения общественных отношений в международном масштабе. Вместе с тем, хотя борьба между классами с противоположными интересами неизбежна, ее каждодневные многоликие проявления не должны завершиться общенациональным или вселенским катастрофизмом.

Во **втором** (одноименном) параграфе рассмотрены **философско-методологические аспекты проблемы постмодернизации России**. Заложенная в проекте буржуазной

реставрации претензия либерализма на выражение идентификационных основ нации в очередной раз не нашла подтверждения. Превратившись за время реформ в синоним прогрессирующего обнищания масс, либерализм, по мнению ряда отечественных социологов и политологов, так и не стал для России идеологией *постмодернизационного сдвига*. Более того. В основе праворадикальной идеологии, в отличие от большевистской леворадикальной, – уже не *консервация* коллективистской сущности российского менталитета (в форме примитивного, «природного», по терминологии Бердяева, коллективизма), а его полный, в буквальном смысле слова «до основания», демонтаж.

Будучи результатом *радикального* отрицания дистрибутивного («распределительного») социализма, взятый на вооружение современными российскими «реформаторами» курс сохранил те же хронические изъяны. Эта модель в целом является неким симбиозом *худших* параметров советского этакратического общества (в частности, сохраняющейся в рамках политической системы авторитарной традиции, заявленного, но не находящего адекватного подтверждения в политической практике «демократизма», всевластия коррумпированной бюрократии, избирательности правосудия, наличия «карманной» партии - «партии власти», расцвета «теневой» экономики, «остаточного» принципа бюджетного финансирования социально-культурной сферы и др.) и исторически отжившего, не менее ущербного курса рыночного фундаментализма, стыдливо прикрывающего свою плутократическую сущность мнимой (формальной) беспартийностью «национального лидера» государства.

Вследствие этого отечественный опыт *догоняющей* модернизации не только до сих пор не увенчался успехом, но и не свидетельствует в пользу создания предпосылок для выхода из кризисного состояния. Выработав ресурс «позитивной» мобилизации, Россия теперь развивается, как отмечает В.Г.

Федотова, по «неорганически-мобилизационному типу».

Предприняв «грандиозную» попытку реанимации капитализма, нынешние российские «реформаторы» дискредитировали сущность демократизма как *народовластия* не в меньшей, если не в большей степени, чем советские партократы и «доктринеры-идеологи». «Шаблонный, - по терминологии Маркса, - либерализм», оказался ничуть не лучше «плоского демократизма». Никакой *радикальной демократизации* общества с начала рыночных реформ в «автоматическом» режиме не произошло. Скорее, наоборот. Утвердившаяся в нашей стране модель т.н. «суверенной» или «управляемой демократии» (что означает еще одно противоречие по определению) свидетельствует о том, что за прошедшие полтора десятилетия «успешно» выстроен *псевдодемократический, номенклатурно-бюрократический режим с отчетливо выраженными атрибутами государственного капитализма, сросшегося, в свою очередь, с олигархической прослойкой и оплетенного густой сетью мафиозных структур.*

Важным шагом в направлении демократизации и формирования гражданского общества явилось, безусловно, создание в 2004 г. Общественной палаты. Но этот акт, свидетельствующий о *формальной* приверженности демократической системе ценностей, в условиях *фактического* политического монополизма «партии власти» как «организующей» и «направляющей» силы общества обречен оставаться не более, чем декларативной саморекламой.

Единственно разумная для России как *развивающегося* государства стратегия социально-экономического развития в современную эпоху заключается в подчинении программы эффективного использования природных ресурсов всемерному наращиванию интеллектуальных. И для прорыва в информационное общество уже сегодня имеются необходимые *финансовые* предпосылки. Но если говорить всерьез о создании

высокоэффективной экономики, то переход к ней должен не ставиться в зависимость от прихоти отечественных и зарубежных инвесторов, а строиться по образцу предприятий, функционирующих на основе непосредственного и полного участия работников в управлении и распределении результатов хозяйственной деятельности. В российской экономике их доля крайне мала, а производственный опыт игнорируется «по умолчанию». В этом связи чрезвычайно ценной остается апробация модели самоуправляемого предприятия, предложенной и внедренной в форме акционерного общества закрытого типа «МНТК – Микрохирургия глаза» С.Н. Федоровым. По мнению В. Букреева и Э. Рудыка, она «по своим параметрам стоит в одном ряду с наиболее развитыми зарубежными моделями предприятия, управляемого его персоналом».¹

Выбор стратегии модернизации предполагает определение движущих сил ее реализации. Чтобы обеспечить надежную социальную базу реформ, необходимы общенациональное согласие и политическая воля правящего режима к достижению уже озвученных задач экономического и социального развития. Без идеологического плюрализма и разумных политических компромиссов, конечно, не обойтись, но выработка *общенациональной стратегии* социально-экономического развития именно по этой причине не только не исключает, но предполагает и *актуализирует* значимость идеологических регулятивов, *в наибольшей степени* выражающих общенациональные интересы. В современной России на эти приоритеты сориентирован достаточно большой, но крайне слабо организованный политически и ущемляемый властной элитой экономически «интеллектуальный пролетариат» - слой научно-технической, гуманитарной и культурной интеллигенции, - всех тех носителей духовного потенциала и культуры в целом, кто по своему объективному положению

¹ Букреев В., Рудык Э. Модель самоуправляемого предприятия С.Н. Федорова (Памяти С.Н. Федорова) // Альтернативы. 2004. № 2. С. 17.

призван служить гарантом возрождения и процветания страны. В лице своего не признанного пока, к сожалению, в общественном сознании авангарда - социал-демократической партии - российская интеллигенция обладает и соответствующей политической программой, направленной отнюдь не на «латание дыр» в экономике и культурной сфере. Принципы Свободы, Справедливости и Солидарности не только сохраняют свое значение в качестве проверенной опытом международной социал-демократии системы ценностей, но являются, по мнению диссертанта, и наиболее общей формулой российской «национальной идеи».

В «**Заключении**» диссертации подводятся итоги проведенного исследования, подчеркивается его теоретическое и практическое значение, намечаются пути и перспективы разработки представленной проблематики.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях общим объемом 58 п.л., в том числе:

Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях по перечню ВАК

1. Котельников М., Перевалов В., Сумятин В. Теоретико-методологические проблемы общественного развития // *Общественные науки и современность*. 1983. № 1. 0,3 п.л.

2. Котельников М.Е. Как не надо писать учебник по философии истории // *Философия и общество*. 2004. № 1. 0,6 п.л.

3. Котельников М.Е. Социалистическая перспектива в концепции Каутского // *Философия и общество*, 2005. № 2. 1 п.л. Котельников М.Е. Маркс и XXI век Котельников М.Е. И. Сталин – А. Чаянов: спор о кооперации еще не закончен // *Труд и социальные отношения*. 2007. № 3. 0, 4 п.л.

4. Котельников М.Е. «Отец» русского марксизма» против марксистской ортодоксии // Свободная мысль. 2009. № 2. 1 п.л. (в печати)

5. Котельников М.Е. Ленинская полемика с народниками в социологическом анализе пореформенной России // Личность. Культура. Общество. 2008. Т.Х Вып.1 (40). 1 п.л.

6. Котельников М.Е. Маркс и XXI век // Вопросы философии. 2008. № 11. 0, 5 п.л.

7. Котельников М.Е. «И имя его и дело переживут века!» // Философия и общество. 2009. № 1. 0, 5 п.л. (в печати)

Монографии и брошюры

8. Котельников М.Е. Основное противоречие марксизма: социально-философская экспликация». М: Элита России, 2005. 40 п.л.

9. Котельников М.Е., Кузьмин А.А. «Политические интересы и политическая культура» // Метаморфозы человека в ауре культуры». Алматы: Гылым, 1993. Ч.2. 0,5 п.л.

10. Котельников М.Е. Сущность материалистического понимания истории. Рудный, 1988. 0,6 п.л.

11. Котельников М.Е. Единство формационного и деятельностного подходов в изучении общества. Рудный, 1988. 0,7 п.л.

12. Котельников М.Е. Политическая жизнь общества и человеческий фактор в истории. Рудный, 1988. 0,8 п.л.

13. Котельников М.Е., Телебаев Г.Т. Духовная жизнь общества и социальный прогресс. Рудный, 1988. 0,6 п.л.

Статьи

14. Котельников М.Е., Ершов Ю.Г. Корреляция критериев прогресса и формационной зрелости в историческом процессе // Человек и социальный прогресс. Ижевск, 1982. 0,2 п.л.

15. Котельников М.Е. Диалектика общего и особенного в становлении коммунистической цивилизации // Цивилизация в современном мире. М., 1983. 0,5 п.л.

16. Котельников М.Е. Критерий формационной зрелости как методологическая основа формационного анализа // Методологические проблемы общественных наук (Специальные науки. Общественные науки и вненаучные факторы) – М., 1986. 1 п.л.

17. Котельников М.Е., Кузьмин А.А. Потребности и интересы: различие и взаимосвязь // Многомерность человека как проблема философии и наук. Рудный, 1991. 0,3 п.л.

18. Котельников М.Е. Проблемы формационного анализа в ленинском учении и современность // Ленинское теоретическое наследие и современность. Рудный, 1991. 0,2 п.л.

19. Котельников М.Е., Кузьмин А.А. Личный интерес как фактор общественного развития // Проблема человеческой субъективности. Алма-Ата, 1992. 0,2 п.л.

20. Котельников М.Е. Формационный анализ как парадигмальный компонент социальной философии марксизма // Уральская философская школа и ее вклад в развитие современной философии. Екатеринбург, 1996. 0,3 п.л.

21. Котельников М.Е. Судьба России в контексте формационной парадигмы // Проблемы реформирования российского общества (Философский, политический и правовой аспекты). Челябинск, 1997. 0,5 п.л.

22. Котельников М.Е. О некоторых методологических основаниях решения проблемы исторического выбора России // Проблемы модернизации российского общества на пороге XXI в. Челябинск, 1999. 0,3 п.л.

23. Котельников М.Е. Постсоветская Россия в формационном измерении // Цивилизационные процессы в России: философский и политологический аспекты. Челябинск, 2001. 0,2 п.л.

24. Котельников М.Е. Генезис формационной парадигмы в современном обществознании // Совершенствование работы железнодорожного транспорта. Ч. II. Челябинск, 2001. 1,5 п.л.

25. Котельников М.Е. Социальная философия марксизма как диалектически противоречивая концепция исторического процесса // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия. Т. 4. Ростов-на-Дону, 2002. 0,2 п.л.

26. Котельников М.Е. Бернштейнианская версия основного противоречия марксизма // Конец предыстории человечества: социализм как альтернатива капитализму. М., 2004. 1 п.л.

27. Котельников М.Е. Феномен научности идеологии в контексте философской рефлексии марксизма // Философия. Информация. Управление. М., 2006. 1 п.л.

28. Котельников М.Е. Философские основания науки и традиция научного философствования // Образование, наука и общество в XXI веке. М., 2005. 0,3 п.л.

29. Котельников М.Е. Облачил ли Маркс философию в идеологические «одежды»? // Философия и будущее цивилизации. Т. 3. М., 2005. 0,2 п.л.

30. Котельников М.Е. Новая экономическая политика под прессом старых теоретических ошибок // Ориентир. Вып. 7. М., 2006. 1 п.л.

31. Котельников М.Е. Эрозия и рецидивы марксистской ортодоксии в теоретических построениях Н.И. Бухарина // Альтернативы. 2009. № 2. 1 п.л. (в печати)